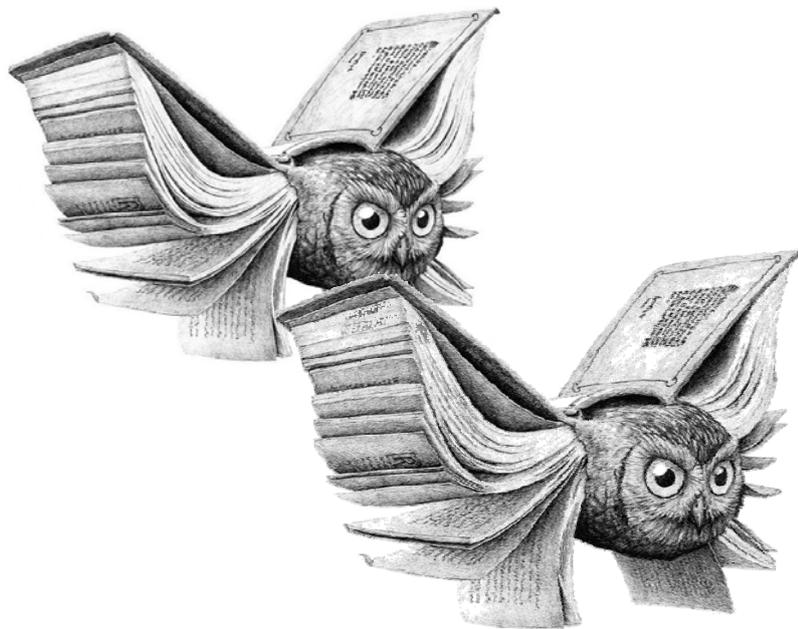

№ 1' 2015
Декабрь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Забайкальского государственного университета

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета

Шемелин А.В. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "ИнтеГРА"

Янков И.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры Мировой Экономики и Логистики Уральского государственного университета Путей Сообщения (УрГУПС)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Крылов Д.А. Мы: сборка 2.0	5
Амир Ст-н. Скрытые мотивы и внешняя политика	16
РАЗДЕЛ II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	24
Горковенко А.Е. Поэтика духовного и телесного в романах Достоевского и Набокова	24
Петухов С.В. Репрезентация русской литературы в Китае	32
Романов И.А. Телоцентричность как доминанта в современной русской литературе	40
РАЗДЕЛ III. NEMO NASCITUR DOCTUS	50
Козлова В.В. Проблема добра и зла в романе Янна Мартела «Жизнь Пи»	50
Курочкина Н.Н. Концепты «свой»/ «чужой» в лингвокультурологическом аспекте. Интерпретация текста	56
Новикова А.Ю. Цитаты и реминисценции из библейского текста в рассказе А.П. Чехова «Архиерей»	73
Локотаева А.С. Роман Ч. Поланика «Бойцовский клуб» и его экранизация	80
Петелина Ю.И. Особенности изображения персонажей в романе Дж.Р.Р. Мартина «Игра престолов» (из цикла «Песнь льда и пламени»)	85

ОТ РЕДАКТОРА

Формирование интеллектуальной среды предполагает создание обширного поля для свободных суждений и поиска идей. Внешнее принуждение способно лишь создать догматическую пустыню с постоянно появляющимися миражами. Наличие «оазисов» – научных центров, не решает данной проблемы. И, насколько можно судить, проблема эта существует давно и не из-за того, что мало людей выбрали для себя путь в науке, а из-за стремления облеченных властью пастырей заковать движение к свободной мысли искусственными нормами отсталого сознания. В итоге, знание превращалось в некий набор условностей, обеспечивавших статусное положение тех, кто не способен искать истинного, довольствуясь общепринятыми верованиями.

Не способные к самостоятельному суждению, способные лишь оперировать усвоенными без понимания знаниями, врачи, судьи или политики, множат ошибки. Ведь, как писал И. Кант в «Критике чистого знания» о том, что «тупой или ограниченный ум, которому недостает лишь силы рассудка и собственных понятий, может обучением достигнуть даже учености. Но так как в таких случаях подобным людям обычно недостает способности суждения, то нередко можно встретить весьма ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток».

Даже если учесть стремление Канта возвысить «законодательный разум», то следует учесть, что делается это с целью уравнивания стремящегося к абсолюту правительства и его институтов. Впрочем, по понятным причинам, сфера политики продолжает оставаться площадкой для утверждения самомнения, а не рефлексии. Поэтому и не стоит переоценивать степень влияния мыслителей на политические процессы. В пору говорить об их маргинальности, а не о «власти над умами». Поэтому основными площадками для формирования интеллектуальной среды остаются

Университеты. Не случайно, что со стороны власть предержащих к этим оазисам свободы мы видим самое пристальное внимание, на них оказывается давление, осуществляется постоянное вмешательство в образовательный процесс. Парадоксальность Университетов раскрывается через потребности, которые они удовлетворяют, готовя новые высококвалифицированных кадры не только для различных сфер жизнедеятельности общества, но и будущих чиновников.

Скепсис, как и свободное выражение своих взглядов, приемлемые в науке, в политическом поле рассматриваются как выражение борьбы за власть. И тот же И. Кант, рассуждающий о чистом или практическом разуме, был вполне приемлем, но стоило ему написать небольшую критическую работу «Конец всего сущего», как он сразу же попал в немилость.

Для развития интеллектуальной среды нужны открытые полигоны и сообщество, а в нашем случае, электронные журналы могут претендовать на эту роль. Здесь знание и дискурс получают свободный выход. Хотя всегда есть опасность, перефразируя Пелевина, попасть под власть все опошляющего гламура или стать заложником «Черного Шума». Открытой остается проблема донесения академических изысканий до широких социальных слоев, обеспечения полной публичности и установления свободной коммуникации, преодоления обрывочности общественного мнения.

И все же, электронные журналы, – это не единственный, но возможный путь для распространения голосов разума. Приглашаю авторов и читателей поддержать проект под названием «Софияполис».

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Мы: сборка 2.0

Аннотация: В статье анализируется ситуация в современной России, где под влиянием консервативных настроений отказались от идеи следовать Западной модели демократии. Подмена понятий исказила реальность. Ретроградное движение в направлении повторения прошлого создало почву для консолидации власти и народа. Но это движение лишено будущего, так как оно не отражает развития, которое может обеспечить не послушные подданные, а активные граждане.

Ключевые слова: гражданское общество, нарративное сознание, возрождение СССР, новая идентичность, мобилизация населения, преодоление прошлого.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

We: build 2.0

Annotation: The article analyzes the situation in contemporary Russia, where under the influence of conservative sentiment has abandoned the idea to follow the Western model of democracy. Substitution of concepts has distorted the reality. Retrograde movement in the direction of repetition of the past paved the way for the consolidation of the state and the nation. But this movement is deprived of the future, as it does not reflect development that can provide not obedient subjects, and active citizens.

Keywords: civil society, narrative consciousness, the revival of the USSR, a new identity, mobilization of the population, overcoming the past.

Идея возрождения СССР приобретает все более зримые словесные очертания. В ее основе – ностальгия по сильному государству, единому дому для всех проживавших в нем, едином историческом пути и исторической миссии. В современных условиях значительного роста расслоения среди граждан России это кажется маловероятным, но только при первом приближении к теме. Ведь утрата культивируемых долгое время ожиданий не равна смене одного стиля одежды на другой. И это должно говорить об обратном. Или нет?..

Мало кто из обывательской массы способен на серьезную реакцию, требующую интеллектуальных рассуждений. Поэтому и обозначенный парадокс остается не более чем глухим посылом к тем, кого и пушками не разбудить. И здесь, скорее, негативным фактором, выступает то, что сермяжный патриотизм, остается лишь неким фоном для деятельности властей, возможно, рассчитывавших на всплеск массового энтузиазма. Обыватели не могут выступать в качестве действующего референта, превратившись в серую массу, и в нем давно умерла политика. То есть произошло то, о чем так удачно написал Жан Бодрийяр: «Масса является массой только потому, что ее социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность. Она похожа на те практически бесполезные устройства, которые потребляют больше, чем производят, на те истощенные месторождения, которые продолжают эксплуатировать, неся большие убытки» [2, с. 32].

Современной силой в России выступает государственный аппарат. Он становой хребет ее мироустройства и он же пресловутый дракон Шварца, которого нельзя убить. Тождественность государства аппарату управления рождает иллюзии по поводу возможных улучшений и модернизации, которые должны однажды привести к образу благоденствия и нового мира для людей. Пока же приходится мириться с пороками системы, с ее неспособностью к предвидению и мелочной ревностью к любым проявлениям

самостоятельности людьми, стремящимся сбежать из мира крепостного права. Не случайно, что даже для имитируемой и официальной оппозиции существует фактически бюрократическое понятие «системная».

Новейшая тотальность утверждается через миф борьбы добра и зла, проигранного с Западом сражения – утраты СССР, но выигранной в будущем войны. Мобилизация населения выступает необходимой формой борьбы с нарастающей энтропией идентичности. Это ставит под вопрос саму возможность разграничения государства и гражданского общества. Идея ограничения государства представляется как кощунственная и недопустимая или, в лучшем случае, как неконструктивная. Ведь Отечество не может быть ограничено в своем суверенном праве на всю полноту дееспособности.

Государственно-административная система прежних времен сформировала жесткие установки на взаимоотношения народа и государства по образцу патриархальной семьи. Не случайно, что в современной России очень много внимания на официальном уровне уделяется отклонениям от традиционных представлений о семейно-брачных отношениях, сексуальным меньшинствам, противоречащим российской ментальности ценностям либерального Запада.

Тем самым, известное движение к демократии и либерализму, провозглашенное в начале 90-х, обернулось ретроградным движением к госкапитализму, чем и являлся Советский Союз. Распад последнего рассматривается действующим президентом В.В. Путиным как трагедия и это указывает не на оценку исторического события, а на тот образ, который держит сознание первого человека государства в метафизических тисках.

Идея утверждения «вертикали власти» стала преддверием к возвращению административно-командной системы. Далее последовало восстановление максимального контроля за регионами, назначение губернаторов, превратившее идею федерализма в формальность за редкими исключениями. Параллельно пошел процесс манипуляции с терминологией, придание ей собственного смысла в духе постмодернистских инсталляций.

Так

родилась идея «суверенной демократии», обеспечивавшая необходимое для власти противопоставление на «мы» и «они». В итоге стало возможным возвращение к мобилизационной схеме организации политического пространства с разрешенными узкими институционными каналами. Заявленная демократия носит фасадный характер по принципу «как бы есть».

На этом фоне любые формы проявления политической самодетельности со стороны гражданских активистов стали рассматриваться как реальная угроза для авторитарной власти. Идеи демократических свобод были объявлены избыточными для российского сознания, которому отныне предписывалось быть традиционным. Неопределенность традиции, произвольное смешение образов прошлого или все та же подмена смыслов, вплоть до активного использование жанра альтернативной истории, умолчание негативных фактов, – все это направлено на обоснование потерянных возможностей и необходимости следования собственному пути. Налицо структурирование некоего находящегося в становлении мифа или представлений о «второй реальности». Это род пещеры Платона, где отражаются даже не оригинальные объекты, а копии неких образов.

Отсутствие действенных программ развития России, вылившаяся в проекты типа «Сколково», неповоротливые госкорпорации, «реформирование» РАН или создание тяжеловесных федеральных университетов, не более чем политика разовых мер и вряд ли способствовала демонстрации превосходства страны. А ведь именно идея превосходства обеспечивала прежние формы консолидации общества и необходимым образом дополняла идею о враждебном окружении. В той или иной степени превосходство компенсируется демонстрацией военной мощи, готовностью вмешиваться на уровне мировой державы в политические и экономические дела. Впрочем, здесь также видны издержки, связанные с перекосами хозяйствования ориентированной на ренту бюрократии. В условиях постоянно возрастающей энтропии и отсутствия собственных свежих идей

будущее начинают вычитывать из прошлого, на манер платоновского «припоминания идей».

Устаревшие нарративы не создают условий для формирования новых парадигм эффективного развития. Но они могут быть использованы в политике консервативного торможения и ретроградного разворота временного потока, создавая картину «вечного возвращения». Несмотря на то, что подлинное возвращение невозможно из-за отсутствия необходимой идентичности с прошлым, можно использовать многоуровневую мифологию об утраченном рае или золотом веке. Для современной России это сродни рассуждениям о распаде СССР или гибели царской России. И в первом и во втором случае цели политического господства определялись как судьбы сверхнарода.

С каким пафосом и горечью о еще невыполненной миссии русского народа писал Н.А. Бердяев в 1918 году: «Русский народ не захотел выполнения своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство. Значит ли это, что идея России и миссия России, как я ее мыслю в этой книге, оказалась ложью? Нет, я продолжаю думать, что я верно понимал эту миссию. Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того как он низко пал. Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро, но народ совершил предательство, соблазнившись ложью» [1, с. XII – XIII].

Стоит заметить, что современные настроения консервативно настроенных сторонников «призвания России» мало чем отличаются от тех, которые высказывались в прежние времена. Им не хватает лишь новой метанаррации, идеи для радикального преодоления постмодернистских угроз. Объявленная мобилизация населения и рост радикальных настроений вполне вписывается в проект Э. Гиденнса о радикальном модерне.

Характерно, что известный социолог Ч. Тилли провел параллель между правлением Людовика XIV и президентством В.В. Путина. Возрастание

авторитаризма обеспечивается по трем основным элементам: «1) укрепление центральной государственной власти, 2) усиление приоритета государства в доступе к поддерживающим государство ресурсам, таким как налоги, рабочая сила и вооружение, 3) ограничение влияния и силы конкурирующих центров основанной на насилии автономной власти». Четвертый элемент, «возрастание зависимости легитимности действий государства от согласия граждан, пусть под давлением силы, пусть вынужденного», по признанию исследователя, не соответствует путинской России, так как не требует исполнения гражданами строгих предписаний, таких как уплата налогов. Это компенсируется наличием высоких доходов от газа и нефти [8, с. 43 – 44].

Ясно, что согласие здесь обеспечивается постоянными отсылками на единство существования, которое парадоксальным образом представил маркиз де Кюстин как долг и покорность: «В России вам не позволят прожить, не жертвуя всем ради любви к земному отечеству, освященной верой в отечество небесное» [5, с. 207]. Тем самым, стоит заметить, формировалось и продолжает реализовываться идея о общем для власти и народа бремени. Так множество превращается в «мы», в формально консолидируемое единство. Поэтому и возможно это постоянное повторение и схожесть метафизических конструкций вплоть до их последнего синкретического образа – православный советский народ. Иначе как можно объяснить, скажем, ностальгии по русской общине и индустриально развитой стране одновременно?

Считать ли эту ситуацию проявлением некоей национальной патологии или устойчивым трендом самовыражения зависит от занимаемой исследователем позиции. Ведь если речь идет о коллективной стратегии, то общий интерес не может быть поставлен под сомнение. Но с точки зрения индивидуального рефлектирующего сознания, озабоченного поисками альтернатив для явно убыточного или избыточно затратного развития, такой путь ущербен. Он ищет путей для необратимых изменений. В современной

российской истории таким действием стала «шоковая терапия», точнее, попытка внедрения рыночных отношений не в рыночном государстве.

Егор Гайдар явно противоречил себе, когда писал о преодолении этатизма силами деспотического государства. Он как бы споря с собою и с выводами монархиста В.В. Шульгина о постоянном возвращении «медного всадника» русской истории, полагает, что демократическая эволюция не окажется очередной иллюзией: «Действительно ли русская история запрограммирована на эквифинальность – движение из любой точки, после любых пируэтов, завершается все там же – у подножия трона, все тем же – политико-экономической диктатурой "восточного" государства?» [3, с. 200].

Данные рассуждения относятся ко времени до прихода к власти В.В. Путина, фактически приведшего ситуацию к исходной «оледенелой государственности». Но ведь и себя Е. Гайдар видел государственным, стремящимся лишь к преодолению старой системы управления. Ни о каком движении со стороны самих граждан он не рассуждал. Поэтому и нежелательный итог не заставил себя ждать. Нечто подобное мы могли бы увидеть в действиях декабристов в 1825 году. Им также хотелось минимизировать государство, но некогда было заниматься вопросами развития гражданственности, формированием запроса на права человека.

Служение государству оказывается едва ли не единственной формой консолидации общества, тогда как гражданственность воспринимается как нечто формальное или, если не хуже, как проявление политического и морального релятивизма, лишаящего государство его безусловности и абсолютности. Показательны в этом плане рассуждения руководителя Академического института социального служения Российского государственного социального университета О.В. Решетниковой, вводящей понятие «патриотичной гражданственности». По ее мнению, западная гражданственность, основанная на договоре, лишена необходимого духовно-нравственного аспекта, который присущ национальной традиции, основанной на служении, подвижничестве, поэтичности и сострадании.

Закладывая основы «универсальной гражданственности» автор заявленной концепции утверждает: «Патриотичная гражданственность не может нисходить с высот национальных интересов к нуждам отдельной личности, напротив, она может и должна подниматься от интересов отдельной личности к национальным интересам. Быть патриотом – это, прежде всего, не абстрактная любовь ко всем вместе взятым, а конкретная любовь к отдельной личности. Только на таком понимании можно взрастить патриотичную гражданственность» [7, с. 32].

Если оставить в покое уникальность российского цивилизационного пути, то возникает недоумение по поводу традиции, так и не обеспечившей эффективного политико-экономического строя и социального процветания. Подлинная же российская традиция – авторитарная система управления и все рассуждения «за особую духовность» народа и его руководителей не более, чем потемкинские деревни. Тогда как для развитой гражданственности требуется движение не со стороны государственных институтов и формального объявления об очередной отмене «крепостного права», а отказ от монополии на унификацию жизненных стилей.

Здесь, действительно, необходимо разобраться в специфике восприятия миросистем и тех оценок, которые должны были бы позволить вырваться из обозначенного круга «вечного возвращения». И многое можно объяснить тем, что миросистемы поддерживаются нарративами. В российском варианте сохранение полупериферийности с переходом в мир-экономику означал утрату прежних мир-имперских форм организации системы со значительным ослаблением роли государства. Именно факт снижения роли государства, его значительности, оказался наиболее трагическим для сознания масс, не способных к критическому анализу.

Прекрасный пример того, как может происходить изменение массового сознания привел Марк Леон, анализирувавший ситуацию в Китае. Он привел аллегорию Чжан Вэйина для истолкования китайских реформ на примере двух деревень, одной с неэффективными но привычными лошадьми, и

другой, где использовали передовых зебр. Для того, чтобы приучить косное население к новому, лошадей стали раскрашивать под зебр, а со временем и заменять на новых животных. Эта аллегория использовалась для иллюстрации перехода «от одного типа экономики – с ценами на продукцию, устанавливаемыми правительственными чиновниками, к другому – с ценами, определяемыми рынком. При этом предусматривалось, что правительство страны не будет публично отказываться от своих обязательств в отношении социалистических принципов или вставать в оппозицию к региональным администрациям, по-прежнему кровно заинтересованным в центральном планировании» [6, с. 44].

Теперь можно вернуться к проблеме гражданского общества, которое должно было бы означать непосредственный уход от патерналистской зависимости от государства и его институтов. Проблема изначально состояла в том, что объявление новых условий экономической и политической жизнедеятельности не совпадало с изменениями социальной картины. Привыкшие надеяться на власть, люди никоим образом не ставили возникшие проблемы в зависимость от компетенции тех, кто оказался в системе власти именно благодаря самой системе. Поэтому и необходимы исследования уже не ментальности общества в целом, а той его части, которая формирует властную вертикаль и где с завидной легкостью можно обнаружить комбинацию из трех «с» России: самозванство, самодурство и самовластие.

Призывы власти к консолидации всех сил и тех, кого относят к «правильному» гражданскому обществу (а не к «пятой колонне»), не способны повлиять на проблему формирования социально активной среды. Гражданское общество рождается не из внешних предписаний, а из внутренних устремлений, поэтому для его представителей свойственно относится критически к действиям власть предержащих. Для последних ценность гражданского общества состоит в его лояльности, как и прежде все рассуждения о российской интеллигенции сводились к признанию ею

служения и подчинения в качестве основы своего существования. Диссиденты же рассматривались в качестве идейных врагов порядка.

Не случайно, что и официальное отношение к гражданскому обществу выглядит как система упрощенных реакций на деятельность формальных и зарегистрированных организаций, либо с минимально дозволенным участием в политической жизни (Общественные палаты, «Народный фронт»), либо как к некому условному «третьему сектору», живущему за счет грантов (НКО, НПО).

Йенс Зигерт обратил внимание на специфику восприятия идеи гражданского общества как некоего «третьего сектора», действующего наряду с «первым сектором» – государством и «вторым сектором» – бизнесом. По его мнению, это стало следствием прежних воззрений диссидентов еще советской эпохи, которые сохраняются и по сей день в сознании не только обычных граждан, но и политиков, и государственных служащих. Из-за своей неоднородности гражданское общество с легкостью вторгается и в сферу политики, и в сферу экономики: «Одно из основных свойств гражданского сектора – это его принципиальная неупорядоченность. Он представляет собой точное отражение общества – разнородного, поскольку не подчиненного никаким внешним правилам. Столь же разнообразны функции, выполняемые неправительственными организациями: они защищают людей от незаконных действий государства, посредничают между раз личными общественными и политическими акторами, между государством и гражданами, формируют общественное пространство, производят услуги, которые не могут быть предоставлены государством или бизнесом» [4].

Уникальность гражданского общества в его несводимости к государству, готовности к самостоятельной выработке политических представлений и моральных приоритетов. Речь идет о социально значимой самодеятельной активности, а не жизни синхронизированного с государством общества. И это уже не вписывается в бинарную структуру сознания, которая

поддерживается нео-архаическими обществами «закрытого» типа. В таких обществах социальное и исчезает, но утверждается необходимая для консервативной власти цикличность, а вместе с ней и романтика внешнего насилия. Здесь уже возможны локальные рецидивы, связанные с определенным видением прошлого, которые становятся все более мозаичными, превращая современность в род исторической химеры.

Дальнейшие рассуждения ведут нас к проблеме конфликтов, которые будут происходить все чаще по мере формирования гражданского самосознания с его реакцией на текущие изменения в жизни. Множественная неодновременность никогда не смирится с все синхронизирующей обезличенной свехобщностью даже в рамках отдельно взятого мессианского государства.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
3. Гайдар Е. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма, 1997. 224 с.
4. Зигерт Йенс. Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (27) / URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii> (дата обращения 01.06. 2015).
5. Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
6. Леонард М. О чем думают в Китае? / Пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 222 с.
7. Решетникова О.В. Воспитание гражданственности детей в организации // Проблемы современного образования. 2010. № 2. С. 30 – 40.
8. Тилли Ч. Государственное ресурсоизвлечение и демократия // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 4. С. 38 – 49.

Скрытые мотивы и внешняя политика

Аннотация: В статье рассматривается связь между бинарным сознанием и гибельными теориями. Современная геополитика взяла на себя роль идеологии, оправдывающей противостояние и новую войну «всех против всех».

Ключевые слова: геополитика, авторитарная власть, бинарное сознание, поиски идеологии.

Amir St-n,
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

Ulterior motives and foreign policy

Annotation: The article examines the binary relationship between consciousness and disastrous theories. Modern geopolitics took on the role of ideology, justifying the confrontation and the new war of "all against all".

Keywords: geopolitics, authoritarianism, binary consciousness, the search for ideology.

Следует сразу оговориться, так как мы не занимаемся конспирологией, то никаких теорий заговора не приемлем и не анализируем. Считаем это бессмысленным занятием, хотя по целому ряду моментов и можно было бы рассмотреть отдельные искусственные построения, как призванные выступить своеобразным покрывалом для подлинных целей. Несомненно, что и шпиономания явление из того же разряда нагнетания страха и подозрительности для сокрытия собственной несостоятельности или перевода решений важнейших социально-экономических проблем на происки неких внешних и внутренних врагов.

С геополитикой с самого начала связаны искусственные построения, призванные оптимизировать эмоциональный фон в сознании масс, привязав их к власти предрешающим. Можно вспомнить известные рассуждения отцов геополитики, посвященные жизненному пространству и вечному противостоянию всех против всех. Так, в формате рассуждений о естественных границах в мире растений, К. Хаусхофер проводит параллель с животным миром и миром людей, занимающих те или иные ареалы для своего жизнеобеспечения и, соответственно, вытесняющие другие жизненные формы [8, с. 23-24].

Важным моментом в таком подходе оказывается не объяснение ситуации, а оправдание насилия, в том числе и на метафизическом уровне. Здесь мир создается из головы человека или голов, занятых конструированием действительности по своему образу и подобию, но с элементами реальности. Так на географические и природные особенности навешивается исконное противостояние суши и моря. А исследовательский прием превращается в целую науку для будущих Цезарей и Наполеонов.

С учетом возросшего в конце прошлого столетия спроса на геополитику и не в последнюю очередь в России, претендующей на восстановление своего имперского статуса, мы должны с вниманием присмотреться к постоянно растущему спросу на проявление внешней силы. Столкновение цивилизаций, высказанное как идея, оказывается востребованным на практическом политическом уровне, упрощающем все до уровня бинарных конструкций.

Бинарные конструкции оказываются крайне удобными, так как не требуют рассуждений, предлагая простой выбор между правильным и неправильным, хорошим и плохим. При этом большее противопоставление поглощает меньшее, даже если оно носит негативный характер. Этим в определенной мере можно объяснить приоритет внешней политики перед внутренней, характерный для поведения сообществ с ярко выраженной формой возвышения своего и принижения чужого. Для упрощенного доказательства часто используется военная сила и ее демонстрация. Тем

самым компенсируются иные оценки, показывающие подлинный уровень превосходства или отставания. А там, где мы видим господствующий тотализирующий дискурс в качестве единственной формы для сознания, бинарная система достигает своего апогея.

Попытки окончательного познания мира в рамках бинарной системы, разумеется, своей цели не достигают. Но, как известно, в истории человечества получилось реализовать системы жесткого контроля за людьми, обязанных жить по предписаниям свыше. В той или иной мере эта традиция просматривается и в наши дни и особенно там, где политические системы продолжают использовать прежние приемы организации идентичности сверху, тогда как на горизонтальном уровне социальные отношения остаются в зачаточном состоянии. Вызвано это не в последнюю очередь тем, что государства, либо сформированные, либо использующие данную модель управления, не способны существовать в условиях множественности и вне всё опосредующего нарратива.

Идеология не случайно в XX столетии стала популярной формой для организации массового сознания, послужив целям создания тоталитарных государств. Разумеется, что речь в этом случае не идет об идеологии как системе научных представлений об идеях. Не случайно Наполеон не увидел в идеологии ничего положительного для себя, назвав интеллектуалов своего времени «темными метафизиками». Идеологические схемы явно не устраивали практика. И лишь когда идеи стали проникать на уровень массового сознания как некая форма новых верований, их ценность стала очевидной и для политиков.

Характерно, что интеллектуальная критика, работающая в научной среде, в условиях всплеска ожиданий масс от воплощения в жизнь новейших верований оказывается не только не востребованной, но и вызывает абсолютную неприязнь и враждебность. Массы готовы к самопожертвованию и принесению в жертву интеллектуальных отступников и свободомыслящих индивидуумов. Идеология превращается в возвышенный объект или

массовый фантазм, структурирующий саму социальную действительность. И в этом качестве, как считает Славой Жижек, идеология продолжает свое существование вплоть до наших дней [4, с. 40].

Проблемой здесь является то, что верования не произвольно подчиняют себе массы, а должны обеспечивать должный уровень ожидаемых иллюзий на обладание истиной и избранности. Вместе с тем, верования являются нормой для жизнедеятельности людей, в том числе и религиозные, как обладающие более длительной историей. Тогда как скептические настроения носят лишь эпизодический характер и на массовое сознание не оказывают принципиального влияния. «Идолы» Фрэнсиса Бэкона не отпускают людей, а для нашего случая речь пойдет об «идолах театра», которые являются результатом неверных теорий, философских учений и ложных законов доказательства [3, с. 322]. И хотя сам мыслитель явно недооценивал роль четвертого типа идолов, полагая, что от них можно отказаться и избавиться, именно они эволюционировали во все подавляющие метанарративы.

Метарассказы превращают знание в монопольное владение государства. Собственностью государства объявляются и верования, включая религиозные, призванные отныне беспрекословно поддерживать авторитет суверена. Интересно, что в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс довольно критически оценивают младогегельянцев за их приверженность рассматривать действительность через призму верований и провозглашение «человека вообще» религиозным человеком [5, с. 17]. Для основоположников марксизма, идеология не более чем одно из проявлений в истории неверного сознания. Но в итоге, революционным последователям приходится измышлять замену идеологии ссылками на сугубо научное мышление, ведь «любая идеология вредна тем, что мешает видеть действительность» [1, с. 222].

Здесь необходимо вспомнить, что любая интеллектуальная позиция должна опираться на некие нормы возможного. Поэтому последователи Маркса и пошли по пути создания идеологии пролетариата как системы

верований. Тем более, что и сами они увидели в своем выборе мессианский призыв к освобождению страждущих из цепей эксплуататорского рабства. И это было так по-русски, где интеллигенция искала «грядущее царство правды», как об этом писал философ С.Н. Булгаков, рассуждая о религии человекобожества [2, с. 48]. И речь идет даже не о необходимой здесь защите идей гуманизма, а о том радикализме, который сопровождает желание принудить массы к искомому тождеству через насилие. Ведь именно в этом как раз и состоит генезис власти, стремящейся к тотальному контролю.

Метанарративные измы отрицают саму возможность суверенности человека, превращая его в атом системы, предназначенной для реализации высшего предназначения. На этом фоне возможными оказываются только великие вожди, великие герои, великая жертва и великое государство. Но как долго можно поддерживать такое состояние? Ведь стоит вспомнить о тех разговорах которые уже в 60-е годы вылились в рассуждения о закате эпохи идеологии. Сошлемся на работу Даниела Белла «Конец идеологии» (1960).

Деформации систем происходят постоянно. На наших глазах произошло это и с советской системой, не выдержавшей груза экономических проблем и несоответствия реального уровня жизни граждан обещанному раю. Первоначальный оптимизм сменился пессимизмом, когда колбаса, водка и туалетная бумага стали мечтой, а идеология превратилась в пустую и лицемерную болтовню о неосуществимом.

Всплеск в конце XX века религиозного фундаментализма можно рассматривать как попытку реализации запросов на новые большие идеологии – метанаррации. Здесь просматривается необходимое сочетание религиозного фундаментализма и идеи государства для избранных верующих. Несмотря на то, что в инструментальном плане новейшее движение приобрело значение реальной угрозы для остального мира, в контексте эмоциональном массовой поддержки у него пока нет. Хотя отсталое мышление и подталкивает людей искать прежних миро-оценок, оно постоянно дробится в множественности представлений современного мира.

Это не останавливает тех, кто ищет радикальной политической альтернативы современной либерально-демократической модели мироустройства. Атаки производятся с разных сторон, но, главным образом, от имени суверенного государства – сверхсущности, противоположной остальному миру. Отсюда проистекают постоянные разговоры о собственном пути, сакральной правопреемственности и национальной особенности. Усилия направлены на то, чтобы вновь зафиксировать убеждения для масс и вернуть устои традиционного общества. Не случайно, что рассуждая о начале XXI века, футуролог Э. Тоффлер стал описывать тенденции к возврату в Темные века [7, с. 451]. Речь, надо полагать, идет не об отдельно взятых странах, а об общих тенденциях, связанных с попытками сохранения исчезающего прошлого – истории, единственной науки, используя слова Карла Маркса, призванной легитимировать власть и оправдать ее настоящее. Различие проявляется лишь в особенностях ментальной организации, ограниченной способности принимать новое.

Мы сегодня имеем дело не с культурным консерватизмом, а с его политическим клоном, который все, как говорится, смешивает в одну кучу в надежде приготовить съедобное блюдо. Повторы из прошлого при этом оказываются весьма сомнительным одеянием, так как оно сшивается на скорую руку и одевается на современного человека, живущего в иных условиях. Ведь даже Ницше, рассуждавший о «вечном возвращении», писал о том, что вечных фактов, абсолютных истин и вечного человека не существует [6, с. 22].

Неверность принимаемых консервативными политиками решений связана с их неспособностью управлять в меняющемся мире. Отсталая политическая система тормозит экономическое развитие, опираясь на такое же отсталое общественное сознание, но, в конце, рано или поздно должен произойти разрыв с прошлым, которое, в свою очередь, способно лишь вызвать энтропию. Нарождающийся класс меритократов (не совсем удачное определение для людей знания), уже сегодня вынужден мириться с

авторитарно-феодальными методами управления лишь по причине малой численности своей группы.

Пока же мы наблюдаем успех обратного или ретроградного движения как вечного возвращения. Опора осуществляется на идею очередного возвращения собственной истории или, перефразирую Ричарда Рорти, обретения собственной страны. На метанаррацию это не тянет, так как единственного прочтения прошлого не существует, поэтому и приходится постоянно поддерживать чрезвычайное положение.

Подводя некий итог рассуждениям, остановимся на некоем сравнении или аллюзии, используя произведение Гарри Гаррисона «Чувство долга». Фантаст описывает ситуацию неминуемой катастрофы, разрешение которой упирается в понимание того, что же подталкивало правящий клан планеты к гибели. Магты получив симбионта, позволившего им адаптироваться к тяжелым условиям планеты, заплатили за это способностью чувствовать и думать. Они стали противниками жизни – умердвиками. Идеология так же позволяет легитимировать власть, многократно усиливая возможности по управлению людьми, но плата за это не менее страшная – утрата способности к свободному мышлению.

Список литературы

1. Адоратский В.В. Об идеологии // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. 528 с. С. 214-223.
2. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи; Интеллигенция в России. Сборник статей 1900 – 1910. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 [2] с. С. 43-84.
3. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1971. Т. 1. 391 с.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1955. Т. 3. 629 с.

6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. М.: ЗАО Издательство ЭКСМО-Пресс; Харьков: Издательство «Фолио», 1997. 1056 с.
7. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 669 [3] с.
8. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / Пер. с нем. М.: Мысль, 2001. 426 с.

II. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 882

А.Е. Горковенко
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

Поэтика духовного и телесного в романах Достоевского и Набокова

Аннотация: В статье рассматривается творчество Достоевского и Набокова в контексте русской религиозной философской мысли. Исследуется поэтика духовного и телесного в поисках героями социокультурных смыслов.

Ключевые слова: поэтика духовного и телесного, духовные смыслы русской культуры.

A.E Gorkovenko
Transbaikal State University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: angor.10.09.66@list.ru

The poetics of spiritual and corporal in the novels of Dostoevsky and Nabokov

Annotation: The article discusses the work of Dostoevsky and Nabokov in the context of Russian religious philosophy. We study the poetics of spiritual and corporal in search of heroes socio-cultural meanings.

Keywords: poetics of spiritual and physical, the spiritual sense of the Russian culture.

Часто романы Достоевского и Набокова выстраиваются на одной и той же доминирующей коллизии: поиске героями духовных ценностей, в которые вплетены размышления писателей о двойственной природе человеческого существа – соотношении телесного и духовного, божественного и земного.

Проблема в русской религиозно-философской мысли не новая. По мысли митрополита Илариона Киевского, есть два состояния, в которых пребывает мир и человек: закон и благодать. Все, что несет на себе печать земного, он относил к «закону», то, что обращено к духовному, божественному пребывает в Благодати. «Совершенствование, – пишет Иларион, – в этом мире, а спасение – в будущей жизни, Иудеи земным услаждаются, христиане же небесным» [5, с. 47].

«Достоевский, – пишет исследователь творчества русского классика Безносков В.Г., – прекрасно понимал, что освободить человека от влияния внешних земных условий невозможно, да и вряд ли целесообразно. И в то же время он остро ощущал потребность такого морального сознания, которое бы способно было подниматься над действительностью, быть выше, не растворяться в ней, способствовать нравственному, духовному совершенству окружающих человека обстоятельств, постоянно работать над возвышением своего внутреннего мира» [1, с. 74 – 75].

В работе «Смысл жизни» (1918 г.) кн. Е.Н. Трубецкой пытался решить проблему, над которой размышлял Достоевский, а потом В. Соловьёв – поиск синтеза божественного и человеческого. «Вокруг этих вопросов, писал религиозный философ, – идет вечный спор двух противоположных жизнепониманий – натуралистическое и супранатуралистическое – одинаково односторонни и несостоятельны <...> Обе линии, выражающие два основных направления жизненного стремления – линия плоская, или горизонтальная, и восходящая, или вертикальная, – скрещиваются. И так как эти линии представляют собою исчерпывающее изображение всех возможных жизненных направлений, тот их скрещение – крест – есть наиболее универсальное, точное, схематическое изображение жизненного пути. <...> Небеса, оторванные от земли, – небеса безжизненные и холодные: они так же далеки от полноты, а стало быть, и от смысла, как самоутверждающая земля, оторванная от неба. Поэтому полнота всемирного смысла может явиться только в объединении неба и земли <...> Иначе говоря, мы должны искать

смысла жизни не в горизонтальном и вертикальном направлении, а в объединении этих двух жизненных линий, там, где они скрещиваются» [9, с.40, 46-47].

По мнению философа, бессмысленная, пустая жизнь представлена символически в виде замкнутого в себе порочного круга: «Змей, сам себя кусающий за хвост». О мировой бессмыслице рассуждает двойник Ивана Карамазова – черт: «Ты думаешь все про теперешнюю землю. Да ведь теперешняя земля, может, сама биллион раз повторялась; ну, отживала, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала; опять вода, я же бе над твердию; потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля; ведь это развитие, может, уже бесконечно повторялось и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая» [4, т. 15, с. 79]. «Мир бессмысленен; но я это сознаю, – размышляет Е.Н. Трубецкой, – и постольку мое сознание свободно от этой бессмыслицы. Вся суета этого бесконечного круговращения проносится передо мною; но, поскольку я сознаю эту суету, я в ней не участвую, мое сознание противопоставляется ей как что-то другое, от нее отличное, Сознający суету, как сознающий, состоит вне порочного круга <...>» [9, с. 47]. Бессмысленному круговращению земной жизни, не одухотворенной свыше, Набоков противопоставил свой образ: «Спираль – одухотворение круга. В ней разомкнувшись и высвободившись из плоскости, круг перестает быть порочным. <...> Цветная спираль в стеклянном шаре – вот модель моей жизни» [6, т. 4, с. 283].

Достоевский гениально показал, к чему приводит биологизм, доведённый до предельной черты. Жизнь его Свидригайлова («Преступление и наказание»), Фёдора Карамазова («Братья Карамазовы»), подчинившись натурализму как норме, «становится чрезвычайно похожей на ад» (Е.Н.Трубецкой).

Набоков при воссоздании своих «сладогострастников» – Горн, Магда («Камера обскура»), Марта («Король, дама, валет»), безусловно, опирался на опыт своего предшественника.

Психологически человеку насытиться земными благами не возможно. Об этом рассуждения В. Розанова: «Печальная тайна состоит в том, что этой сытости никогда не будет, что от нее тем более удалится человек, чем жаднее станет усиливаться к ней приблизиться. Одно может удовлетворить его, это – покой совести, это – внутренний свет, о котором так глубоко позабыл он, ища чего-то вечно вокруг себя» [7, с. 29 – 30].

Поиском внутреннего духовного света обусловлена жизнь героев Достоевского и Набокова. В беседах старца Зосимы («Братья Карамазовы») речь идет о двух различных путях жизни, возможных для человека. Первый связан с удовлетворением земных потребностей, в том числе и социальных, когда «вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбию и человеческому единению, впали, напротив, в отъединение и уединение» [4, т.14, с. 285]. Только земная установка порождает ненависть, разгул своеволия и духовных начал. Второй путь – иноческий – это путь на земле к иному миру, духовный путь. «Над послушанием, – говорит старец Зосима, – постом и молитвой даже смеются, а между тем лишь в них заключается путь к настоящей истинной уже свободе: отсекаю от себя потребности лишние и ненужные, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушанием, и достигаю тем, с помощью божьей, свободы духа, а с нею и веселья духовного» [4, т. 14, с. 285].

Самый гармоничный из всех героев Достоевского, Алеша Карамазов противостоит своей «тихостью» рациональному Ивану и чувственному Дмитрию. Но в его целомудрии живет «карамазовская стихия», он тоже знает «укусы сладострастия» (К. Мочульский). Юноша глубоко понимал сомнения и тяготы человеческие, может быть, поэтому Зосима и советовал Алеше оставаться в миру.

О двойственной природе героев Набокова впервые заговорил П.Бицилли. В 1938 году он писал: «Почему палач («Приглашение на казнь» – А.Г.) в последний момент «маленький как личинка»? Потому, вероятно, что месье Пьер – это то, что свойственно цинциннатовской монаде в ее земном

воплощении, что вместе с нею родилось на свет и что теперь возвращается в землю. Цинциннат и месье Пьер – два аспекта «человека вообще», *everyman*'а английской средневековой «площадной драмы», мистерии. «Месье-Пьеровское» начало есть в каждом человеке, покуда он живет, т. е. покуда пребывает в том состоянии «дурной дремоты», смерти, которое мы считаем жизнью. Умереть для «Цинцинната» и значит – вытравить из себя «месье Пьера», то безличное, «общечеловеческое» начало, которое потому и безыменное, как оно воплощено в другом варианте «Месье Пьера», Хвата («Соглядатай»), который так и зовет себя «мы», или условным именем «просто – Костя» [3, с. 254].

«Следы» Алеши Карамазова с его «карамазовщиной» явно ощутимы в герое набоковского «Дара». Мотив «телесной улады» постоянно присутствует в романе. «Дикий ночной голод» (особенно хотелось простокваши с черным хлебом) ощущает шестнадцатилетний герой после прогулок с «безличной» подругой (в тексте – «она», «её», «ней») с «каштановыми волосами, весёлым взглядом больших черных глаз, ямочками на бледных щеках и нежным ртом», – «томной, малообразованной и банальной» [6, т. 3, с. 134 – 135]. «Шоколадная» сущность проявляется в Фёдоре Константиновиче в отношении к ученице, «очень красивой, несмотря на веснушки, всегда в черном платье, с открытой шеей, и с губами, как сургучная печать». Федор Константинович «подумывал о том, что было бы, если б он положил ладонь на вот эту, слегка дрожащую, маленькую, с острыми ногтями, руку, лежащую так пригласительно близко, и оттого, что он знал, что тогда было бы, сердце вдруг начинало колотиться, и сразу высыхали губы» [6, т. 3, с. 148]. «Стрела соблазна» пронзает героя, разгуливающего нагишом по Грюневальду и созерцавшего «одиноких нимф», с «обнаженными до пахов замшево-нежными ногами», «блестящими мышками». Любовь к «запретной Зине», ставшая за последние месяцы болезнью, обузой, в конце концов, заменилась нежностью, страстью и жалостью. «Да, – скажет герой Набокова, всю жизнь я буду кое-что добирать

натурой в тайное возмещение постоянных переплат за товар, навязываемый мне» [6, т. 3, с. 7].

Преодоление соблазнов, «отсечение от себя потребностей лишних и ненужных», поиск героями высшего признания рождает общий для русских писателей мотив странничества. «Странничество, – пишет Л. Сараскина, – в духе времени; «посох и сума» – добровольный или вынужденный удел многих «странников» русской литературы. Радищев и Карамзин, Грибоедов и Пушкин, Лермонтов и Гоголь, Тургенев, Достоевский много ездили и свободно, и «по казенной надобности». Вслед за ними Чацкий и Онегин, Печорин и Хлестаков, Иван Карамазов и другие «русские мальчишки» «ищут по свету», бегают от житейских невзгод, навещают «дорогие могилы», появляются перед читателем иногда только в промежутках между странствиями» [8, с. 58].

Действительно, Достоевский и Набоков, их герои много путешествуют. Однако эмпирика реальных путешествий – лишь канва духовных поисков героев. «Эти города, эти ровные ряды желтых фонарей, – пишет Набоков о самоощущении Лужина, – проходивших мимо, вдруг выступавших вперед и окружавших каменного коня на площади, – были той же привычной и ненужной оболочкой, как деревянные фигурки и черно-белая доска, и он эту внешнюю жизнь принимал, как нечто неизбежное, но совершенно не занимательное» [6, т. 2, с. 53].

«Странничество у Достоевского, – справедливо отмечает В. Безносков, – духовная категория. Сам уход в странничество, духовный акт, духовный поступок. Чаще всего он вызван каким-либо духовным потрясением или же своеобразной «неотмирной» изначальной устроенности человека, как, скажем у князя Мышкина. Странник жаждет иных миров, иного света. Он сам добровольно соглашается уйти из этого мира, он тесен ему, стесняет его дух» [1, с. 116 – 117].

Предмет исканий у Достоевского иной – познание душ человеческих, – чем у Набокова – познание своей души, но самый дух неуспокоенности,

обреченности на такую судьбу, безусловно, сближает творчество художников слова.

Интуитивное прозрение героя в поисках Высшего Смысла – самая яркая тема в романе Набокова. Писатель использует весь спектр уникальных психологических состояний героя, познающего тайны своей души: это его детские фантазии, «припадок ясновидения» во время болезни; порывы творческого вдохновения, когда герой сочиняет свои лучшие стихотворения; его «пересаживания» в души друзей дома Чернышевских – «погружался бывало в просторные недра Васильева и на мгновение жил при помощи его, васильевского механизма», – «когда же пересаживался к Александру Яковлевну Чернышевскую, то попадал в душу, где все было ему чуждо, но многое изумляло...»; воображаемые рецензии критиков и разговоры с Кончеевым. Наконец, сцена «ослепительного волнения»; напряженного переживания чудесного «воскресения» отца и встречи с ним: «Застонав, всхлипнув, Федор шагнул к нему, и в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усов, narosло блаженно-счастливое, живое, не перестающее расти, огромное как рай, тепло, в котором его ледяное сердце растаяло и растворилось. <...> ...панический трепет побежал по душе: проснулся в гробу, на луне, в темнице вялого небытия» [6, т. 3, с. 319 – 320] – своеобразное философско-эстетическое ядро романа.

Божественная любовь Достоевского была призвана очистить человеческие души от скверны и привести их к Сияющей истине. Герой Набокова нашел «ослепительное волнение» в собственной душе, силой воображения приблизился к божественному свету и Теплу, растопил «ледяное сердце». А в мире ничего не изменилось: «Утро было пасмурное, прохладное, с серо-черными лужами на асфальте двора, и раздавался противный плоский звук выбиваемых ковров» [6, т. 3, с. 320].

В выражении внутреннего содержания внешне скудной детерминированной жизни Набоков, безусловно, опирался на достижения Достоевского. Отсюда экспрессия авторского слова, интонация, повторы

элементов, восклицания, фигуры умолчания, рваный синтаксис, символические детали, в которых заключены подтекстовые обобщения. «Пограничные» психические состояния героев Достоевского и Набокова рождают своеобразную «поэтику сверхсознания». Сны, фантазии, грезы, бред, галлюцинации, память о будущем, воображаемые диалоги, ясновидение, видения, предчувствия набоковских персонажей неизбежно ассоциируются со сценами из романов Достоевского.

Не случайно Жан-Поль Сартр называл Достоевского «духовным родителем Набокова». Родство это явно ощущается при анализе художественного текста. Диалог Набоков – Достоевский, начатый в 1919 году с юношеского стихотворения, не прекращался в течение многих лет. В лекциях, интервью, публичных высказываниях писатель XX века создавал иллюзию о своей несовместимости с художественным миром автора «Братьев Карамазовых», обвинял русского классика в сентиментальности, детективщине, религиозной экзальтации, отсутствии описаний природы, как и вообще всего, «что относится к чувственному восприятию», выписывал в медицинских справочниках и составил список психических заболеваний, которыми страдают герои Достоевского и т. д. Между тем, текстуальное изучение показывает другое: Набокова интересовали те же «вечные» проблемы, которые пытался решить Достоевский. Загадка человеческого существования – центральная из них. «У Достоевского, – писал Бердяев в 1918 году, – было одному ему присущее отношение к человеку. <...> У Достоевского ничего и нет кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему <...> В глубине человеческой природы он раскрывает Бога и дьявола и бесконечные миры <...> У Достоевского нет природы, нет космической жизни, нет вещей и предметов, все заслонено человеком и бесконечным человеческим миром, все заключено в человеке» [2, с. 55–56].

Набоков «оспорил» свои же лекционно-критические оценки Достоевского, говорил о писателе слишком выборочно. Мир Достоевского на

редкость многогранен. Тайне человека учился Набоков у великого писателя-психолога.

Список литературы

1. Безносков В.Г. «Смогу ли уверовать?» Ф. Достоевский и нравственно-религиозные искания в духовной культуре России конца XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во РНИИ «Электростандарт», 1993. 200 с.
2. Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: ВШ, 1993. 368 с.
3. Бицилли П.В. Сиринов. «Приглашение на казнь» – Его же «Соглядатай» // В.В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 251 – 255.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.
5. Митрополит Иларион. Слово о Законе и благодати // Идейно-философское наследие Илариона Киевского: в 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 38 – 57.
6. Набоков В.В. Собрание сочинений: в 4 т. / сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990.
7. Розанов В.В. Цель человеческой жизни М.: Грааль, 2001. 66 с.
8. Сараскина Л.И. «Бесы»: роман предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
9. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 431 с.

УДК 882

С.В. Петухов,
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

Репрезентация русской литературы в Китае

Аннотация: В статье поэтапно рассматриваются процессы освоения русской классической и современной литературы в Китае. Исследуются социокультурные предпочтения китайских читателей как любителей, так и профессионалов.

Ключевые слова: русская литература, рейтинг читаемости, репрезентация, социокультурные смыслы.

S.V. Petukhov
Transbaikal State University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: sergeypetuhov@mail.ru

Representation of Russian Literature in China

Annotation: The article discusses the processes step by step development of Russian classical and modern literature in China. We study the socio-cultural preferences of Chinese readers both amateurs and professionals.

Keywords: Russian literature, readability rating, representation, socio-cultural meanings.

Социокультурное пространство Китая не раз меняло амплитуду своего существования. Освоение и интерпретация Китаем русской литературы в XX веке были неровными, что можно объяснить периодическими имманентными изменениями в культуре. Отношения европейского сознания с Востоком всегда оставались нелинейными. За сто лет освоения Китаем русской литературы наблюдались этапы взлетов (период 50-х годов) и катастроф (период «культурной революции»). Эти перепады можно объяснить излишней политизацией и идеологизацией. Сегодня, когда идеология отходит на второй план, освоение литературного наследия представляется в совершенно ином ключе. Приоритетное значение приобретают эстетические, этические и духовные ценности.

Развитие национальной и восприятие русской литературы в Китае обуславливается сменой культурно-исторических парадигм (становление государственности, период «русский с китайцем – братья навек», культурная революция, политика Дэн Сяо Пина, новейшее время – существование в едином информационном пространстве).

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что история русской литературы в Китае преодолела вековой рубеж и приблизилась к своему 110-

летию. Фактической точкой отсчета в освоении переводчиками, исследователями и читателями Поднебесной русской литературы можно считать 1903 год, когда на китайский язык была переведена первая русская книга – повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Наследие гения открывалось Китаем на протяжении всего XX века. Память о русском творце увековечена китайцами двумя пьедесталами: в Шанхае – на улице Юэлянлу (что в переводе означает «Улица луны») и в городе Нинбо. Памятники Пушкину – не только символ любви к великому русскому поэту, но и свидетельство глубокого влияния русской культуры на общественную и интеллектуальную жизнь Китая.

Интерес к русской классической литературе в Китае выразился и в обращении китайских переводчиков и литературоведов к творчеству Н.В.Гоголя. Бюст русского писателя и улица его имени в Харбине – свидетельство живого освоения наследия классика на Востоке.

Одним из самых любимых китайцами авторов стал Чехов. Его пьесы «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня» не сходят с театральных подмостков Поднебесной. Ежегодно в разных городах Китая проводятся чеховские фестивали.

Русская классическая литература, по мнению целого ряда исследователей, оказала сильное влияние на жизнь китайцев. Но и современная литература находится в сфере интересов китайских филологов. Такие масштабные мероприятия, как Год России в Китае и Год русского языка в Китае значительно способствовали распространению современной русской литературы. Вместе с тем, китайские издательства инициируют специальные проекты по переводу, внедрению, вхождению, аккумуляции и интеграции российского литературного «продукта». Представительная презентация литературной России вызвала бурный интерес у китайских интеллектуалов-потребителей. «Благодаря разнообразию тематики, творческих методов и художественных стилей русская литература вновь завоевала сердце китайцев», – утверждает профессор Нанкинского

университета Чжан Цзюньсян [4, с. 68]. Безусловно, прав уважаемый профессор, однако его контаминация (тематика – метод – стиль) требует тщательного анализа и небольших национальных обобщений.

Русская классика и современная литература продолжают свое «триумфальное» шествие по континентальному и островному Китаю. Их популяризации во многом способствуют как российские писатели, принимающие участие в ежегодной Пекинской книжной ярмарке и амбициозных проектах китайских издательств, так и сами китайские переводчики и филологи, активно участвующие в поддержке социокультурного диалога двух великих держав.

Август 2013 года был ознаменован важным событием, когда Россия и Китай договорились ближе познакомиться аудиторию с современной литературой страны-соседа. И уже в сентябре руководители литературных журналов и другие представители отрасли представили лонг-лист литераторов, чьи произведения предлагается отобрать для перевода на китайский язык и включить в 50-томную Библиотеку русской литературы. В список попали 156 имен, из которых в ходе обсуждения было отобрано 42 автора, в том числе: Валентин Распутин, Людмила Улицкая, Михаил Шишкин, Захар Прилепин, Борис Минаев, Дмитрий Глуховский, Сергей Лукьяненко.

Актуальность и перспективность изучения русской литературы можно объяснить возросшим в последнее время интересом китайской гуманитарии к активным процессам современного литературоведения: переосмысление идеологического восприятия русской классики и древнерусской литературы, изучение авангардных и модернистских течений в литературе Серебряного века и Русского Зарубежья, а также постмодернистских (постиндустриальных) тенденций новейшего времени.

Время для китайцев – категория особая, вечная, текущая по своим законам, однако законы современности диктуют другие принципы восприятия. И вот китайский читатель начинает понимать, кто такой Шурик

из романа Л. Улицкой, Володя из «Письмовника» М. Шишкина, Санька у З.Прилепина. И происходит процесс, который в свое время Д.С.Мережковский назвал «расширением художественной впечатлительности».

Как показывает опыт научных исследований, важное влияние на становление новой китайской литературы оказал классический и социалистический реализм, получивший распространение в России XIX и XX веков. До сих пор в Китае классика «золотого века» русской литературы и художественные достижения советской эпохи «перекрывают» тиражи и влияние современной российской книги, о чем свидетельствуют проведенные нами в 2012 году социологические исследования, и на основе их диагностики и мониторинга выявлен рейтинг читаемости русской литературы в Китае.

Всего было опрошено 80 китайских респондентов-филологов, возраст которых – от 24 до 26 лет. На вопрос: «Какого русского писателя классика Вы считаете самым популярным в Китае?» – 65 человек указали на имя А.С.Пушкина. Второе место по популярности занял Л. Н. Толстой, третье – Н.В. Гоголь. А вот на вопрос: «Какие произведения русских классиков наиболее известны в Китае?» – 60 человек ответили «Война и мир», 20 – «Мертвые души». Произведения Пушкина и Чехова не назвал никто. Это свидетельствует о том, что восприятие китайскими читателями творчества художника слова расходится со знанием его биографии. Пушкина знают все, а его «Капитанскую дочку» и, тем более, «Маленькие трагедии» знают немногие, с другой стороны, роман «Война и мир» является доминантным по отношению к биографии Л.Н. Толстого. В восприятии современной русской литературы (точнее, в знании имен современных русских писателей) уверенное первое место с большим трехкратным отрывом занял А.И.Солженицын, набрав 50 голосов. При этом его повесть «Один день Ивана Денисовича» в рейтинге читаемости также заняла лидирующую позицию – 50 голосов. А вот творчество В.П. Астафьева знают лучше, чем его биографию. «Царь-рыба» знакома 40 респондентам, а биография автора известна лишь

одному из опрошенных. По вопросу: «Каких русских писателей Вы изучали (читали) в Китае?» – места распределились следующим образом: А.С.Пушкин с небольшим отрывом на первом месте, далее – Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. Третья позиция – Н.В. Гоголь, а дальше – И.С. Тургенев и В.В. Маяковский. Интересны результаты ответов на вопросы, связанные с эмоциональным восприятием русской литературы. На вопрос: «Почему Вы изучаете (читаете) русскую литературу?» – 45 респондентов ответили: «интересно», «пригодится в будущей профессии», «хочу узнать новое о России». 30 человек в качестве мотиватора назвали «красивый русский язык». В вопросе «Что такое духовность русской литературы?» 55 человек назвали «величие», 45 – «открытость», 35 – «чистота», 1 – «радость». Отрадно, что многие китайские студенты все чаще обращаются к специализированным русскоязычным сайтам. Так из 80 опрошенных 40 регулярно посещают «Википедию», 25 – библиотеку М. Мошкова, 15 – «Журнальный зал». Проведенное социологическое исследование свидетельствует о положительной динамике в распространении и восприятии русской литературы в Китае от классики до современного текста.

Самими китайцами было сделано немало в деле распространения и популяризации русской культуры. Первый журнал по русской литературе в Китае появился в 1942 году – ежемесячник «Сулянь Вэньи» («Литература и искусство СССР»), главным редактором которого был русский китаист В. Рогов, руководитель шанхайского филиала Агентства ТАСС. Этот журнал знакомил китайских читателей с русской и советской литературой.

В 1981 году была создана Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ), которая вошла в состав Международной ассоциации (МАПРЯЛ). В 2011 году в Китае был проведен XII Конгресс МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве». Профессор Людмила Вербицкая, Президент МАПРЯЛ, на церемонии открытия отметила: «Это наш первый конгресс на азиатском континенте, и то, что мы проводим его именно в Китае, является

свидетельством того, что мы высоко оцениваем результаты многолетней деятельности китайских русистов» [2].

В 2013 году на XVII Иннокентиевских чтениях в Чите «Россия – Китай: вербализация культурных и духовных смыслов (к 110-летию русской литературы в Китае)» Л.А. Вербицкая в приветственном слове подвела итоги и наметила перспективы дальнейшего плодотворного, взаимовыгодного сотрудничества двух стран: «Русский язык был и остается важным средством общения как в области культуры и образования, так и в деловой и политической сферах. С наступлением нового века связи Китая с Россией продолжают расширяться. В последние годы на китайский язык переводятся такие авторы, как В. Маканин, В. Ерофеев, З. Прилепин. В их творческом пространстве репрезентируются концепты новой русской культуры, появление которых обусловлено веяниями времени. Тем самым активизируется вхождение российской литературы через художественный текст в информационное пространство Китая, что обеспечивает взаимовыгодное сотрудничество великих держав» [1].

КАПРЯЛ выпускает методические издания – «Русский язык в Китае», «Русский язык в средней школе» и «Русская литература». До сих пор активно работают Китайское пушкинское общество и Ассоциация изучения русской и советской литературы. В 2000-е годы был создан Центр Россиеведения Пекинского педагогического университета, в котором собраны крупные специалисты из разных гуманитарных областей: историки, политологи, филологи, философы, а также специалисты в области образования. Центр издает единственный по русской культуре журнал «Русская литература и культура».

Сегодня более чем в 110 вузах Китая преподаются русский язык и литература на факультетах, где выпускаются студенты по специальности «русский язык как иностранный». Основными центрами изучения русской культуры в Китае являются Пекинский, Хэйлунцзянский и Даляньский университеты, Пекинский и Шанхайский университеты иностранных языков.

При поддержке фонда «Русский мир» в начале XXI века в Китае при крупных университетах начали создаваться и успешно функционировать Центры русского языка.

Профессор Чжэн Тиу, декан факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков считает: «Нет ни одной страны, чья культура оказала бы такое глубокое влияние на Китай, как Россия; нет ни одной страны, чья судьба так сильно волновала бы китайский народ, как судьба России. Уверен, в новом, XXI веке перед вызовом глобализации русская культура с ее высокими духовными стремлениями и ее носитель – русский язык, как и китайская культура, предполагающая гармонию и согласие, и ее носитель – китайский язык, должны и могут внести свой незаменимый вклад во взаимопонимание и дружбу народов, защищая разнообразие и многополярность культур мира» [3].

Русская литература в современном Китае является генератором и проводником национальных идей и смыслов. Через букву, слово, текст китайский народ открывает для себя ценности русского мира во всем его многообразии, экстраполируя доминирующие модели на собственную историю. Вхождение и восприятие русской литературы в Поднебесной было неоднозначным на протяжении всего XX века. Сложно выстроить единый вектор репрезентации социокультурных смыслов. Однако центростремительной оказывается духовно-нравственная доминанта русского текста, который в китайском восприятии осознается целостно: автор – герой, историческое событие – его художественное воплощение, факт – образ, география – пейзаж, реальность – вымысел. Все это русско-советское («элосы – сулени»). И при этом братское, соседское, готовое прийти на помощь и противостоять злу и насилию.

Список литературы

1. Вербицкая Л. Приветственное слово участникам конференции // Сборник материалов Международной научно-практической

- конференции «XVII Иннокентиевские чтения». Чита: ЗабГУ, 2014. С. 7 – 8.
2. Президент МАПРЯЛ: китайские русисты являются самыми активными членами МАПРЯЛ [Электронный ресурс] / URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7376173.html> (дата обращения: 27.06. 2013).
 3. Русский язык в Китае // Русский мир.ru. 2009. №10. С. 23 – 28.
 4. Чжан Цзюньсян. К вопросу о распространении современной русской литературы в Китае: взгляд переводчика // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «XVII Иннокентиевские чтения». Чита: ЗабГУ, 2014. С. 68 – 75.

УДК 82.1

И.А. Романов,
Забайкальский государственный университет,
доцент кафедры литературы,
кандидат филологических наук
E-mail: igorromanoff@mail.ru

Телоцентричность как доминанта в современной русской литературе

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению современной русской литературы в контексте понятия «дегуманизация». Данный термин впервые использовал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своей работе 1925 года «Дегуманизация искусства». В ней он рассматривал художественное творчество модернизма сквозь призму вытеснения из искусства «человеческого содержания», предполагавшего непосредственную связь материала произведений искусства и реальной жизни. Эстетика, ориентированная создание образов изменённой реальности, или, наоборот, натуралистически дотошно ее копирующих, оставляла человеку в аксиологическом плане очень незначительное место. Воззрения философа подтвердил катастрофизм XX века. Эстетические идеи напрямую спроецировались на события мировой истории. Одним из элементов дегуманизации является телоцентричность, т.е. культ тела, пришедший на смену культу духа классического искусства. В современной литературе телоцентричность оказывается одной из доминантных тем, демонстрируя невозможность обретения героями подлинного смысла бытия. Эта тема звучит у таких авторов, как А. Иванов, Р. Сенчин, В. Сорокин, Б. Ширянов, З.Прилепин, И. Стогов и др.

Ключевые слова: дегуманизация, отчуждение, телоцентричность, культ тела и культ духа, экзистенциальный тупик, сакральность, трагическая безыллюзорность.

I.A. Romanov
Transbaikal State University,
associate Professor in the Department of literature,
candidate of philological Sciences (PhD)
E-mail: igorromanoff@mail.ru

Bodycentricity as dominant in modern Russian literature

Annotation: The article is devoted to modern Russian literature in the context of the concept of "dehumanization". The term was first used by the Spanish philosopher H. Ortega-I - Gasset in his 1925 work "the Dehumanization of art". In it, he examined the art of modernism through the prism of displacement from the art of the "human content", suggesting a direct link of material works of art and real life. Aesthetics, focused imaging of altered reality, or, conversely, naturalistic meticulously copying it, leaving the person in axiological terms, very small place. The views of the philosopher confirmed the catastrophic twentieth century. Aesthetic ideas silhouette appeared directly on the events of world history. One of the elements of dehumanization is, bodycentricity, i.e. the cult of the body, which replaced the cult of the spirit of classical art. In modern literature, bodycentricity is one of the dominant themes, demonstrating the impossibility of heroes gained a genuine sense of being. This theme is of such authors as A. Ivanov, R. Senchin, V.Sorokin, B. Shirjanov, Z. Prilepin I. Stogov, etc.

Keywords: dehumanization, alienation, bodycentricity, the cult of the body and the spirit cult, existential impasse, the sacred, tragic methyllisine.

О телоцентричности как эстетической доминанте «новой» культуры, пришедшей на смену прежней, классической, впервые говорит испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своей знаменитой работе 1925 года «Дегуманизация искусства». В ней он рассматривает художественное творчество модернизма сквозь призму вытеснения из искусства «человеческого содержания», предполагавшего непосредственную связь материала произведений искусства и реальной жизни. Идеи философа подтвердила действительность: после двух мировых войн, газовых камер и сталинского ГУЛАГА, ставших апофеозом дегуманизации, абсурдизм нового искусства начал восприниматься как вариант подлинного современного реализма.

Идеи Ортеги-и-Гассета оказались актуальными и в конце XX – начале XXI веков, в период постмодерна, информационного общества, технологических прорывов в различных научных и технологических сферах. Телоцентризм оказывается едва ли не главной ценностью современности, культивирующей здоровый образ жизни и продление молодости посредством фитнеса, пластических операций и дорогостоящих инъекций. Сакрализованное в обществах предшествующих эпох почитание предков в нынешней реальности оборачивается своей противоположностью: умершие предки оказываются дискриминированными по причине невозможности ими получать чувственные удовольствия [1]. На втором месте после них (по той же самой причине) – люди пожилого возраста. Может быть, именно здесь кроется столь распространённый в современном обществе страх перед наступающей старостью.

Исходным моментом художественной рефлексии многих российских и зарубежных писателей экзистенциального плана становится онтологическое неблагополучие современной реальности, аксиологическая неопределённость, отсутствие надличностных сакральных смыслов. Отсюда и актуализация темы дегуманизации и телоцентричности, в частности. Не случайно значимым для современной прозы становится мотив *отчуждения*. Одиноким герой «изъят из необходимого жизненного контекста – у него вовсе нет родины, родителей, дома, цели, опоры, веры, интереса, либо родина, дом, радость у него как бы отняты (властью, чужаками-оккупантами и т.д.), и он включает агрессию, чтобы вернуть себе свой придуманный счастливый, но разрушенный миф...» [2]. Реальная действительность не вызывает положительных эмоций, в ее описании доминируют интонации *депрессивности* и *отвращения*. По мнению С. Казначеева, герои современной литературы лишены «последней надежды, что привносит в звучание новейшей прозы некоторый эсхатологический, экзистенциальный оттенок; а событийному ряду этих книг свойственна определённого рода брутальность, обусловленная не пристрастием авторов к живописанию ужасов и трагедий, а

внутренним пессимистическим настроем» [3, с. 10]. По мысли писателя, авторы предшествующих эпох – В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, А. Солженицын, В. Шукшин и др. (а этот список можно дополнить и представителями великой русской классики XIX в.) – умели ставить обществу неутешительный нравственный диагноз, но давали читателю, а значит и этому обществу возможность очищения и просветления. В нынешней же литературе господствует «одичание»: «авторы, как кажется, откровенно смакуют мерзкие детали существования и как будто получают от этого странное удовольствие, которое сродни мазохизму», такая позиция «порождает духовное опустошение и ощущение полного экзистенциального тупика» [3, с. 13 – 14].

Трагическая безыллюзорность становится одной из главных черт современной литературы, фиксируя идейную неопределённость в сознании современного человека, не имеющего, в отличие от людей прежних поколений, чётких идеологических и аксиологических ориентиров. Любая позитивная идея в такой ситуации воспринимается как спасительная ложь, а значит, ее формулировка становится неподъемной задачей (не потому ли герои-экстремисты из романа З. Прилепина «Санькя» так и не могут сказать, за что они сражаются?). Причем неблагополучие современного мира приобретает не столько социальный (так у «имперски» настроенных А. Проханова, Э. Лимонова, С. Шаргунова, авторов «Поколения «Лимонки»»), сколько онтологический смысл. Лишённое аксиологической, а значит и нравственной целостности сознание современного человека предстает как страдающее, больное, отчужденное от мира. А. Ганиева, анализируя сборник авторов «Поколение «Лимонки», говорит о разных проявлениях отчуждённости и болезни: «Собственная ненужность является лейтмотивом всего нашего времени», «Молодые герои чужды обществу и взамен объявляют общество и отдельные его элементы чуждыми себе...» [1]. Отчуждение доходит до крайней степени в отказе авторов сборника от собственных богоданных имен, которые «заменены уродливыми усечениями

и кличками». Бунт против навязанных систем здесь соседствует с отчаянием, а стремление к самоутверждению «всем назло» – с крайней степени самоуничижением. И не случайно в творчестве авторов сборника (в значительной степени это можно отнести к большинству современных писателей) доминирует акцент на экстремальных, прежде табуированных темах и тёмных сторонах человеческой личности: «главными героями являются Насилие, Соитие, Спирт и Марихуана» [1].

Следуя логике развития романтической модели отношения к реальности, герой современной прозы стремится к *побегу* от этой реальности. Побег может реализовываться на нескольких уровнях. Во-первых, в стремлении героя к постоянному перемещению в пространстве. Так проявляется его пространственно-географическая маргинальность [5, с. 24 – 66]. Путешествие присутствует в произведениях А. Иванова, А. Иличевского, В. Маканина, И. Стогова, О. Зоберна, Р. Сенчина, Д. Быкова, И. Богатырёвой и др. Лишённый сакрального центра, герой современной литературы обречен на блуждания по духовной окраине. В плане пространственном – на окраину географическую. Поэтому упор делается на изображении провинциальных городов, пригородов, подворотен, общаг, агонизирующих деревень и т.д. Все это акцентирует главную тему – бездомность героя, которая не всегда проявляется буквально, но всегда имеет метафизический подтекст, сигнализируя о поиске утраченных смыслов бытия.

Побег от реальности может осуществляться в стремлении к изменению сознания, но не через духовный прорыв, нравственную метаморфозу, а через разрушающие организм («тело») эксперименты. Это было характерно и для другой прозы, где тема алкоголя и наркотиков звучала очень сильно. Можно вспомнить, например, Веничку Ерофеева или автобиографических героев С. Довлатова и Э. Лимонова. Изменение сознания героев есть, конечно, следствие их выпадения из мира «нормальных» людей, это у кого-то принимает форму протеста, а у кого-то – естественного барьера, отделяющего от действительности. Так или иначе, данная тема звучит у Б. Ширянова,

А.Иванова, Р. Сенчина и мн. др. Герои прозы андеграунда советского периода своим пьянством протестовали против официоза, показывали, что социалистические ценности и идеалы им чужды. Герои-алкоголики Вен. Ерофеева или С. Довлатова в советской реальности постоянно попадали в абсурдные ситуации, что только подчёркивало их статус людей не от мира сего. Герои современной прозы в этом отношении тоже выглядят как некая альтернатива раскрученному поп-культурой образу богатого, благополучного и успешного «хозяина жизни», обязательно ведущего здоровый образ жизни. Алкоголь и наркотики выступают как маркёр душевного надлома, который, естественно, может быть свойственен только человеку, понимающему и переживающему ненормальность нынешней жизни. И только такой герой заслуживает сочувствия. При этом его социальный статус неважен: это может быть нищий учитель Служкин из романа А. Иванова «Географ глобус пропил», топящий в алкоголе всю неустроенность в жизни, или внешне уважаемый бизнесмен из книги «Духless» С. Минаева (заканчивающегося, кстати, «географическим» побегом героя из развращённой Москвы). Герои выбирают этот путь от отчаяния, они «через самоотравление идут к смерти и, следовательно, к полному разрыву с социумом... Смерть становится желанной, так как новые культуры изолировали и противопоставили её жизни, а жизнь – не устраивает», – говорит А. Ганиева, рассматривая творчество авторов сборника «Поколение «Лимонки» [1].

Другая форма побега от действительности – уход в чувственные наслаждения. В отличие от традиционно целомудренной русской литературы XIX – XX вв., телесность получает в новейшей словесности большое распространение. Сексуальная тема в той или иной степени находит раскрытие в творчестве многих современных авторов, чье наличие, безусловно, указывает на изменения нравственного порядка, произошедшие с обществом. Конечно, эротизм присутствовал в мировой литературе с древнейших времён. Был он, например, в период греческой классики у

Саффо, Алкея или Анакреона, но выглядел там совершенно невинно по сравнению с эротикой у Лонга и уж тем более с буйным «освобождением плоти» у римлян Гая Петрония и Апулея. В русской литературе последнего времени эта тема представлена довольно широко – от Лимонова, который её и открыл своими порнографическими эпизодами в скандальном «Это я – Эдичка», до Маканина в «Андеграунде» и особенно в «Испуге», Прилепина в «Санькя», Стогова в «Мачо не плачут». Вокруг сексуальных отношений строятся романы А. Иванова (но если в «Общаге на крови» и «Географе» они всё-таки проходят фоном, то сюжет «Блуда и Мудо» без них вообще невозможен), эпатажные тексты Б. Ширянова, Я. Могутина, писателей сборника «Поколение «Лимонки». Герои как будто ищут спасение в блуде, который «приобретает символическое значение, выворачивает уродливый мир розовой изнанкой наружу» [1]. Апогея эта тема достигает, конечно, у Сорокина, в текстах которого всевозможные сексуальные перверсии изображаются в таком нарочито натуралистическом, тошнотворном ключе, что создаётся эффект какой-то «антиэротики».

Многие тексты современной литературы отличает *эпатажность*, проявляющаяся в том, что автор использует в своём тексте обценную лексику, молодёжный сленг, который ещё недавно был абсолютно внелитературен, делают упор на шокирующие читателя описания, связанные с проявлением насилия, сексуальности, с употреблением наркотиков и т.д. (Б. Ширянов, И. Стогов, Я. Могутин, З. Прилепин, А. Старобинец, А. Козлова и мн.др.). Слова А. Ганиевой об авторах сборника «Поколение «Лимонки» во многом характеризуют всю молодую прозу, в том числе и тех, кого относят к новому реализму: «Бесстыдностью слога и содержания, нечистоплотной откровенностью, отсутствием внутренней цензуры представители «поколения «Лимонки» желают оскорбить не только читателей, но и себя самих, чтобы через это ритуальное грязеполивание, через тотальный позор и мазохистское самоуничтожение прийти к упокоению и заморозке своих комплексов» [1]. Эпатажность современной прозы соответствует определённому

мироощущению, которое в ней выражено и определяет содержание произведений.

Как представляется, откровенное до неприличия раскрытие данной темы уже не имеет цель вызвать у читателя культурный шок. Вряд ли российского читателя можно этим удивить после публикации «Это я, Эдичка!» Э. Лимонова и многочисленных книг скандального В. Сорокина. Интересно в данном контексте сравнить современные тексты с предшествующей и еще не избытой традицией другой прозы. Никакого телодуризма не было у Вен. Ерофеева или С. Довлатова, касавшегося темы секса с большой деликатностью. Даже В. Сорокин, прославившийся тошнотворными описаниями всевозможных перверсий, ничуть не прославляет тело, а скорее наоборот, издевается над ним, низвергает как ценность, показывая его несовершенную, тленную сущность. (Из молодых авторов подобное отвращение к телу можно увидеть, например, в фантазмагорической повести А. Старобинец «Переходный возраст»). Современные писатели, и скорее всего неосознанно, отдают своих героев во власть животных инстинктов, потому что в нынешнем мире – предельно атомизированном и разобщённом – только они позволяют установить между людьми хоть какие-то отношения.

Показательной в этом смысле является, например, история эротических походов старика Алабина из романа В. Маканина «Испуг». Сам факт возможности реализовать свой «основной инстинкт», причем с молодыми женщинами, даёт ему – одинокому и давно никому не нужному – подтверждение того, что он еще существует, что он способен на полноценную коммуникацию, хотя и оборачивается она разоблачением и скандалом. В книге Р. Сенчина «Елтышевы» описывается современная гибнущая деревня. У людей нет работы, отсутствуют какие-либо перспективы. Жизнь толкает людей в самоубийственный круговорот пьянства и блуда. Но получается так, что кроме этих нехитрых утех у людей ничего больше нет. Главный герой романа, оказавшийся в деревне благодаря

фатальному повороту судьбы, с удивлением обнаруживает, что местные жители имеют многодетные семьи при почти полном отсутствии стабильных доходов. Население размножается, но судьба его крайне печальна: в романе то и дело говорится о жертвах пьяных драк и несчастных случаев, сгоревших от употребления технического спирта.

Представления о морали, стыде, совести – то, что делает человека человеком - зачастую просто отбрасываются в реальности конца XX – начала XXI веков как что-то наносное культурой и уже не актуальное. Философ Х.Ортега-и-Гассет утверждал, что телоцентризм, то есть культ тела, возникает тогда, когда исчезает культ духа [4, с.18 – 60]. Это черта эпох, лишённых сакральности и метафизики. Говоря о современном мире и авторах новейшей литературы, можно сказать, что здесь реализовалось то, о чем говорил Ортега-и-Гассет: телоцентризм оказался знаком господствующей в культуре дегуманизации.

Список литературы

1. Ганиева А. И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе. Новый мир. 2007. № 7 / ULR: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/3/ (дата обращения 30. 09. 2012)
2. Ганиева А. Полёт археоптерикса. О мотивах современной российской прозы. Литературная учёба. 2009. № 2. Март-апрель. С. 6 – 15.
3. Казначеев С. Когда же придёт луч света? Депрессивно-пессимистические мотивы в современной русской культуре. Встречи. 2011. № 3(8). С. 9 – 15.
4. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства// Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 218 – 260.
5. Романов И. Лирический герой поэзии И. Бродского: преодоление маргинальности в контексте поэтики транзита. Новосибирск: Наука, 2011. 168 с.

III. NEMO NASCITUR DOCTUS

УДК 882

В.В. Козлова
магистрант Забайкальского государственного университета,
факультет филологии и массовых коммуникаций
veronichka.kozlova@mail.ru

Проблема добра и зла в романе Янна Мартела «Жизнь Пи»

Аннотация: Данная статья посвящена изучению проблемы добра и зла в романе канадского писателя Янна Мартела «Жизнь Пи». В качестве исследовательской задачи автором была предпринята попытка установить, что первично: добро или зло. В результате анализа произведения, автор статьи определяет взаимоотношение поставленных проблем.

Ключевые слова: добро и зло, проблема, взаимосвязь, противостояние, человек, природа.

V.V. Kozlova
undergraduate of Transbaikal State University,
faculty of philology and mass communications
veronichka.kozlova@mail.ru

The problem of good and evil in Yann Martel's novell "Life of Pi"

Annotation: This article focuses on the study of the problem of good and evil in the novel "Life of Pi" written by the Canadian writer, Yann Martel. The author attempted to determine what is primary: good or evil as a research problem. On consideration of this analysis, the author of the article defines an interrelation of these issues.

Keywords: good and evil, problem, interrelation, opposition, person, nature.

Актуальность исследования проблемы добра и зла заключается в том, что на протяжении многих лет данная проблема является основой многих произведений искусства, в частности литературных. К интересующей нас проблеме обращались такие великие писатели как: Уильям Шекспир «Гамлет», Иоганн Фольфганг фон Гёте «Фауст», Ф.М. Достоевский

«Преступление и Наказание», М.И. Булгаков «Мастер и Маргарита» и другие. Данная проблема также актуальна в современной литературе, например, Джоан Кейтлин Роулинг «Гарри Поттер», Джордж Мартин «Игра престолов», Сьюзен Коллинз «Голодные игры», и многие другие.

На сегодняшний день существует ряд научных исследований, посвященных изучению проблемы добра и зла в мировой литературе, поскольку данная проблема играет большую роль в жизни современного общества. Несмотря на многообразие художественных образов и характеров в литературе, эти основополагающие категории всегда стояли в центре внимания писателей. Во-первых, противостояние добра и зла есть главная причина развития сюжетной линии произведения. Во-вторых, это является побуждением к выработке нравственных аспектов читателя.

Для того, чтобы начать рассмотрение этой проблемы в нашей статье, обратимся к определениям добра и зла. Прежде всего, добро и зло являются личностными качествами каждого человека, поэтому их можно соотнести с пороками и добродетелью. На интуитивном уровне мы понимаем добро как положительное качество, следовательно, зло как отрицательное качество. С точки зрения Г.В.Ф. Гегеля, понятия добра и зла взаимосвязаны и неотделимы от таких понятий как: воля, самостоятельный выбор и свобода [5].

Как отмечает культуролог А.С. Кармин, добро – это центральная категория морали и добро является высшей нравственной ценностью. Зло – это противоположность добра, другими словами, антиценность, несовместимая с нравственным поведением. Представление о том, что в человеке и в природе идет борьба между «силами добра и зла» - одна из фундаментальных идей, которая охватывает всю историю литературы. Однако дискуссионным можно считать мнение А.С. Кармина о том, что добро первично, а зло обратная сторона добра, то есть зло вторично и они неравноправны и не взаимосвязаны [1].

Л.И. Крашкина, в свою очередь, определяет добро и зло как оценочные категории познавательной практики человека. В совокупности, добро и зло – это наше суждение об окружающем мире, о взаимодействии людей, а также природы и человека. Противостояние добра и зла, в первую очередь – это борьба высшего и низшего в человеке, борьба его эгоистических потребностей и стремления к всеобщему благу [4].

Обобщая все вышесказанное, приходим к следующему выводу: добро и зло не являются равноправными началами. Что-то из них первично, что-то вторично. Писатели сами определяют место добра и зла в своем произведении и не всегда добро является доминирующей составляющей. Поэтому нами выбран роман «Жизнь Пи», поскольку именно в этом романе проблема добра и зла заключается во взаимодействии главного героя с окружающими его людьми, с природой, религией и самим собой. В данной статье будет предпринята попытка отследить проявления добра и зла в романе «Жизнь Пи» и установить: что первично добро или зло и могут ли они существовать отдельно друг от друга.

Роман Янна Мартела «Жизнь Пи» был опубликован в 2002 году, издательством Knopf в Канаде. Янн Мартел был награжден Букеровской премией также в 2002 году. Основной сюжет романа несколько заимствован из новеллы Моасира Склера «Макс и семейство кошачьих» (1981). Роман «Жизнь Пи» был экранизирован, премьера одноименного фильма была представлена на Нью-Йоркском кинофестивале 28 сентября 2012 года. Фильм был номинирован в 11 номинациях на премию Оскар.

Произведение делится на три части, которые связаны между собой исследуемой проблемой. В первой части мы знакомимся с главным героем, которого зовут Писин Молитор Патель. Это добрый, открытый, любознательный, отзывчивый и любящий жизнь подросток, который верит в наличие души у каждого живого существа. Писин Патель – это воплощение добра. Однако из-за своего имени, Писин должен постоянно терпеть издевки

своих одноклассников, поэтому для удобства и благозвучности он сокращает свое имя до Пи Пателя.

«Меня назвали в честь бассейна. Это тем более странно, что родители мои совсем не умели плавать.» [2, с. 3].

Очевидно, что это первое противостояние добра и зла в лице самого главного героя, его одноклассников и даже преподавателя по математике. В то же время писатель показывает взрослого и счастливого человека Пи Пателя и по его внешнему виду невозможно прочесть какие страдания ему пришлось пережить.

«А о том, что нельзя пить мочу, можно было бы не предупреждать, кого в детстве дразнили "Писуном", вы вряд ли застанете со стаканом мочи у рта, даже одного-одинешенького, в шлюпке, посреди Тихого океана.» [2, с. 59].

Еще одна проблема добра и зла заключается в религии. Первая часть романа посвящена рассуждениям о вере и мировоззрении.

«... защищать Бога надо не снаружи, а внутри себя» [2, с. 25].

Пи Патель хотел познать многие религии, и он не видел в этом ничего плохого, однако постоянное давление со всех сторон, принуждая выбрать одну, приводят главного героя к многочисленным конфликтам с окружающими его людьми. Размышляя о религии внутри себя, Пи приходит к выводу о том, что неважно какой ты веры, важно то насколько ты человек.

«И вовсе не на арене общественных дебатов вершится истинная битва добра и зла, а на крошечной площадке сердца...» [2, с. 25].

Вторая часть романа посвящена главной проблеме противостояния добра и зла. Семья Пателей, спокойно проживающая в Индии в городе Пондишери (с 2006 Пудучерри) сталкивается со проявлением зла, а именно с политическим переворотом в Индии. У Сантуша Пателя, отца Пи был зоопарк, однако при новой власти содержать животных становится тяжело, поэтому семья решает переехать в Канаду.

«Я знаю, зоопарки нынче не в чести. Как и религия. И то, и другое внушает людям лишь иллюзию свободы.» [2, с. 4].

Подготовив все нужные документы, семья отплывает. На борт корабля под названием «Цимцум» погружены клетки с многочисленными животными, которые отец Пи решил продать в Канаде или США. Казалось бы, зло удалось победить, но во время путешествия через Тихий океан в одну из ночей, Пи услышал шум и проснулся. Когда мальчик выбежал на палубу, он увидел настоящий хаос, начался сильнейший шторм. Корабль начало кренить в разные стороны, в каюты неслась вода. Матросы, которые были на палубе, бросили мальчика за борт в спасательную шлюпку, оторвавшуюся от корабля. Вслед за Писиним в шлюпку упала зебра, которая в панике выбралась из клетки. Корабль вскоре пошел ко дну, забрав всю семью Пателей и множество других животных и людей.

«Потерять отца - значит потерять верного советчика и наставника, того, кто поддерживал бы тебя, как ствол – ветки. Потерять мать – это... все равно что потерять солнце над головой.» [2, с. 46].

Такой ценой заплатило добро за жизнь Пи, он скорбит о своей семье и это является проявлением добра, а также его обреченностью на страдания. Зло утихло ненадолго, вскоре к шлюпке приплыл тигр по имени Ричард Паркер. Тигр – это хищник, свирепое животное, зло во плоти. Снова мы видим противостояние двух стихий. Писин пытался отогнать тигра веслом, но кошка взобралась в шлюпку и укрылась под брезентом.

На следующее утро, когда шторм затих, Пи находит в шлюпке зебру со множеством переломов, орангутанга и гиену. Начинается страшная борьба за выживание. Зло гиены выгодно для такого положения и ей хватит еды на некоторое время, поэтому зебра умерла в пасти гиены первой, а затем орангутанг. В шлюпке остался Писин, тигр под брезентом и гиена. Пи ждал нападения, но на третий день тигр напал на гиену и утащил под брезент. Можно ли сказать, что это борьба зла со злом? Защищал ли тигр мальчика? Ответить на этот вопрос сложно, поскольку, это могла быть всего лишь борьба за выживание, по принципу: выживет сильнейший. С этого момента проблема добра и зла остается постоянной.

Писин – сторона добра, тигр, океан – сторона зла. Другими словами, гармония. Г.С. Сковорода писал, что действие противоположностей рождает гармонию, подобно центробежной и центростремительной силам, которые, зависят друг от друга. Они также необходимы друг другу, чтобы обе могли существовать. Если бы одна остановилась, действие другой немедленно стало бы разрушительным [3]. Как отмечалось раньше, добро не может существовать без зла. Они взаимодополняют друг друга, как Пи и бенгальский тигр, которые также борются за жизнь. Пи не даст умереть тигру, а тигр, в свою очередь заставляет Пи жить.

«И вопрос даже не в том, он или я, – а он и я. Ведь мы с ним, буквально и фигурально, оказались в одной лодке. А стало быть, жить – или умирать – нам вместе.» [2, с. 57].

Подводя итог, стоит отметить, что автор романа «Жизнь Пи» Янн Мартел не только вложил в произведение проблему добра и зла, но отразил ее в различных аспектах, таких как религия, взаимодействие с природой и ее стихиями, взаимодействие с людьми и животными. Автор завуалировал эту проблему, иными словами, она не лежит на поверхности романа, она скрыта впечатляющим описанием жизни главного героя Писина Пателя. Сложно ответить на поставленный нами вопрос – что первично: добро или зло, в этом произведении они равноправны. Добро не существует отдельно от зла, также и зло не может быть без добра. Они взаимодополняют друг друга, тем самым осуществляют гармонию в мире главного героя. В данной статье показано, что добро и зло – это фундаментальные понятия, определяющие внутренний мир человека и его сущность, а также все мироустройство.

Список литературы

1. Кармин А.С. Культурология: Культура социальных отношений. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство «Лань», 2003. 928 с.
2. Мартел Янн. Жизнь Пи (Life of Pi). Перевод с английского: И. Алчеев, А. Блейз. Издательство «София», 2004. 352 с.

3. Сковорода Г. С. Сочинения в двух томах. Москва: Издательство «Мысль», 1973. Т. 1. 511 с.
4. Крашкина Л.И. Категория добра и зла в книгах Живой Этики: материалы международной конференции. 1997 / URL: <http://uro.narod.ru/bibliotheca/dobro.htm> (дата обращения 23.11.2015).
5. Ненашев М.И., Шубин В.И. Зло как метафизическая проблема: Кант, Гегель, Франк С.Л. // Журнал «Самиздат» / URL: http://samlib.ru/s/shubin_w_i/shubin-nenashev-zlo.shtml (дата обращения 29.11.2015).

УДК 882

Н.Н. Курочкина
Забайкальский государственный университет,
магистрант
E-mail: nadezhda.kurochkina.92@mail.ru

**Концепты «свой»/ «чужой» в лингвокультурологическом аспекте
Интерпретация текста**

Аннотация: Данная статья написана в ходе диссертационного исследования. Она раскрывает понятие «концепт», ссылаясь на работы известных отечественных исследователей, предлагает некоторые подходы к его осмыслению, знакомит с оппозицией «свой/чужой». Во многом и статья, и диссертационная работа нацелены на межкультурные отношения в будущем, выраженных посредством взаимоотношений «своего» и «чужого».

Ключевые слова: концепт, «свой», «чужой», культура, межкультурное общение, сепаратизм, национализм, оппозиция, дискурс.

N.N. Kurochkina
Transbaikal State University,
undergraduate
E-mail: nadezhda.kurochkina.92@mail.ru

**The concepts “own”/ “alien” in the linguoculturological aspect
Interpretation of the text**

Summary: This article is written in the course of the dissertation research. It reveals the term “concept”, referring to the works of famous Russian researchers, suggests some approaches to its understanding, and acquaints us with the

opposition “own/alien”. In many ways, both article and dissertation work are focused on the intercultural relations in the future, expressed by the relationships of “one’s own” and “alien”.

Keywords: concept, “own”, “alien”, culture, intercultural communication, separatism, nationalism, opposition, discourse.

Современное общество все большее внимание стало уделять взаимоотношениям людей не только чужой и родной культурам, но и внутри одной культуры. С недавнего времени данной проблемой стала заниматься лингвистика, обозначив ее как оппозицию «свой/чужой». Данная оппозиция выражается через понятие «концепт».

Концепт как основная единица когнитивной деятельности с конца XX века стал объектом пристального внимания разных научных дисциплин: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, философии и литературоведения. В последнее время большое внимание уделяется анализу языка с точки зрения его культурной, национальной и психологической составляющей. Наиболее интересным в этой области является соотношение ситуации общения с речевым поведением говорящих и их мироощущением в момент коммуникации. Активное развитие межкультурных связей, коммуникации между странами и глобализация в мировом масштабе выдвигает на первый план вопросы, связанные с общением разных культур и народов. Взаимодействие культуры и народов (языка) изучает новая отрасль лингвистики – лингвокультурология, имеющая свой категориальный аппарат, в центре которого – понятие «концепт».

На современном этапе развития истории наблюдается значительное углубление двух противоположных тенденций, которые сосуществуют в культуре. С одной стороны продолжаются интеграционные и унификационные процессы, а с другой стороны – углубляется культурная дифференциация и автономизация народов и культур, поиск и защита ими собственной идентичности, вплоть до сепаратизма и крайнего национализма.

В данном аспекте исследование концепта «свой/чужой», его содержания и восприятие носителями языка приобретает особое значение.

В настоящее время современная лингвистика считает важной задачей определить когнитивную функцию языка. Когнитивная лингвистика – это направление, в рамках которого язык рассматривается как общий когнитивный механизм [16, с. 1].

К числу наиболее актуальных проблем относится изучение природы концепта в когнитивной лингвистике, где уделяется особое внимание этому вопросу. Ознакомимся с понятием термина «концепт».

Существует как узкое понимание термина «концепт», так и более широкое. Бесспорно, концепт принадлежит сознанию, и в отличие от понятия, содержит не только описательно-классифицированные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Также они могут мыслиться и переживаться.

Одним из первых отечественных исследователей концептов является С.А. Аскольдов. С его слов, концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [14, с. 1].

Исходя из этимологии термина «концепт» предполагается, что с одной стороны это описание «общей идеи», с другой, анализ явлений, порождающих эту идею. Кроме этого, «концепт можно определить как явление разноуровневое, одновременно принадлежащее логической и интуитивной, индивидуальной и социальной, сознательной и бессознательной сферам». А. Вежбицкая считает, что концепт – объект из мира «Идеальное», который имеет имя и отражает культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [13, с. 1].

Исследователь В.П. Нерознак пишет, что термин «концепт» (от лат. «conceptus» – понятие, зачатие) – это «понятие, представляющее собой целостную совокупность свойств объекта» [3, с. 81].

Как известно, концепты могут использоваться как опорные элементы для сопоставления менталитетов, а также культурных и ценностных доминант. По мнению В.А. Масловой, лингвистическая наука выделяет три различных подхода к пониманию концепта (когнитивный, культурологический и психолингвистический), которые базируются на общем положении: концепт – то, что называет содержание понятия, синоним смысла [2, с. 77].

Рассмотрим основные подходы к осмыслению понятия концепта.

1) С *лингвокогнитивной точки зрения* над понятием концепта работали такие ученые как Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Д.С. Лихачев и другие. Д.С. Лихачев понятие концепт определяет как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека».

По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это термин, служащий для объяснения единиц ментальных или психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. Она также придерживается точки зрения, что концепт есть «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике».

А. Соломоник рассматривает концепт как «абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия».

Можно сделать вывод, что, с лингвокогнитивной точки зрения, «концепт – это операционная единица мысли – это способ и результат квантификации и категоризации знания, так как его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования» [2, с. 78].

2) *Лингвокультурологический подход* предполагает, что концепт является базовой единицей культуры, ее концентратом. Ю.С. Степанов считает, что концепт – это «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде

чего культура входит в ментальный мир человека». «Концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обыденный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [2, с. 78].

В.Н. Телий определяет понятие концепт как то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии. Кроме этого, по его мнению, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому.

Н.Д. Арутюнова считает, что концепты – «это понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовой культуры этноса [2, с. 78].

По мнению В.И. Карасика, концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны. В данном случае, он имеет в виду сущность отношений к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры [2, с. 79].

С.Г. Воркачев и С.Х. Ляпин, в свою очередь, рассматривают концепт как многомерное ментальное образование, в котором выделяются несколько качественно отличительных составляющих. Важно отметить, что С.Г. Воркачев выделяет понятийную, образную и значимостную составляющие; а С.Х. Ляпин считает, что «дискретная целостность» концепта образуется взаимодействием «понятия», «образа» и «действия» [2, с. 79].

С лингвокультурологической точки зрения концепты – это ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», его национально-культурная специфика. Это определяет их антропоцентричность.

3) В настоящее время широко используется *психолингвистический подход* к понятию концепта. В частности, для В.А. Пищальниковой концепт – это совокупность всех знаний и мнений, связанных с той или иной реальностью. И в данном случае в качестве объекта исследования рассматривается языковая

особенность. По мнению В.А. Пищальниковой, она покрывается понятием речевой деятельности как системы речевых действий, входящих в теоретическую, интеллектуальную или частично практическую деятельность [2, с. 79].

Большой энциклопедический словарь дает следующее определение: «Концепт (от лат. *conceptus* – мысль, понятие) – смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объект которого есть предмет (денотат) этого имени (например, смысловое значение имени Луна – естественный спутник Земли)» [8, с. 45].

Термин концепт (*concept*) в английских словарях фиксируется со значением «понятие, идея, общее представление, концепция», «идея, лежащая в основе целого класса вещей», «общепринятое мнение, точка зрения» (*general notion*).

Например, такое определение концепту дает *Macmillan English Dictionary*. Концепт – это «понятие чего-то, что существует»; «идея для чего-то нового» (*concept – an idea of something that exists; an idea for something new*) [24, с. 285].

Кроме этого, в *Oxford Dictionary of English* дается другое определение понятия «концепт». Концепт – это «абстрактная идея»; «идея или мысленный образ, который соответствует некоторому отдельному объекту или классу объектов, или его существенных признаков, либо определяет применение термина (особенно утверждение), и, таким образом, играет роль в использовании разума или языка» (*an abstract idea; an idea or mental image which corresponds to some distinct entity or class of entities, or to its essential features or determines the application of a term (especially a predicate), and thus plays a part in the use of reason or language*) [25, с. 358].

В Большом толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова концепт определяется как «общее понятие, общее представление» [21, с. 268].

«Longman Dictionary of Contemporary English» определяет концепт как «чья-то идея или как оно должно быть сделано» (someone's idea of how something is, or should be done) [23].

В.В. Красных определяет концепт как: «максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [15, с. 2].

По мнению З.Д. Поповой и А.А. Стернина, концепт – «дискретное ментальное образование, исходя из базовой единицы мыслительного кода человека, обладающей относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [15, с. 3].

Кроме того, З.Д. Попова, И.А. Стернин определяют концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания, идеальную сущность, которая формируется в сознании человека из его непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности, из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов». Для эффективного формирования концепта, для полноты его формирования одного языка (один из способов формирования концептов) мало – необходимо привлечение чувственного опыта, необходима наглядность, необходима предметная деятельность. И только так формируется полноценный концепт [12, с. 1].

В.А. Маслова предлагает еще несколько определений концепта:

концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт культуры;

концепт – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике;

концепт – культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [8, с. 46].

Ссылаясь на М. Хайдеггера, она утверждает, что концепт – семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и, тем или иным образом, характеризующее носителей определенной этнокультуры.

В.И. Карасик дает еще несколько определений понятию концепт:

- «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта»;
- «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны»;
- «фрагмент жизненного опыта человека»;
- «переживаемая информация»;
- «квант переживаемого знания» [7, с. 3-361].

Как считает А.А. Залевская, концепт – это «объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов)» [4, с. 39].

Итак, можно сделать вывод, что дефиниций понятия концепт в научной литературе достаточно много. При всем разнообразии вариантов толкования концепт единодушно признается единицей ментального пространства. Он структурирует знания о мире и отражает национальную специфику членения мира. Концепт – это понятие, погруженное в культуру, и который обладает

эмотивностью, коннотациями, аксиологичен по своей природе, имеет «имя»/«имена» в языке [8, с. 51].

Проанализировав достаточно много определений концепта, З.Д. Попова и И.А. Стернин сделали вывод, что когнитивный концепт формируется в сознании человека из:

- его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств;
- предметной деятельности;
- мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;
- языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме);
- путем сознательного познания языковых единиц [12, с. 2].

В.А. Маслова считает, что концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода (УПК). Она же определяет единицы УПК как индивидуальные чувственные образы, формирующиеся на базе личного чувственного опыта. Концепт появляется как образ, но он способен, продвигаясь по ступеням абстракции, постепенно превращаться из чувственного образа в собственно мыслительный. Например, образ холода лежит в основе концепта «страх», поэтому и существуют для выражения страха формы *дрожать от страха, зуб на зуб не попадает, мороз по коже продирает, дрожь пробегает по спине, кровь стынет* и др.[8, с. 53].

Также, можно сказать, что концепт состоит из компонентов (концептуальных признаков), т.е. отдельных признаков объективного или субъективного мира, дифференцированного отраженных в его сознании и различающихся по степени абстрактности. Выделяют концепты: личные (*каляка-маляка* – о чем-либо страшном), возрастные (*счастье, радость*) и общенациональные (*душа, тоска, родина, кручина*).

Уместно рассмотреть и другие точки зрения на структуру концепта. Так как концепт тесно связан с культурой, то центром концепта всегда является

ценность, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Показателем наличия ценностного отношения выступает применимость оценочных предикатов. Кроме названного ценностного элемента в составе концепта выделяются фактуальный и образный элементы [8, с. 54].

Помимо этого, в широком смысле структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие – ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом.

Обратимся к оппозиции «свой/чужой».

Лингвокультурологическая категория «свой/чужой» является базовой концептуальной моделью национального ментального пространства, который обладает свойством широкой идиоматической репрезентативности.

Благодаря многочисленным исследованиям взаимосвязи языка и культуры нации, характерные для лингвистики начала XXI в., можно определить «свое/чужое» не только как основную бинарную оппозицию мировой и русской культуры (Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, Н.И. Толстой, Н.А. Завершинская, Э. Гуссерль, Г. Зиммель, К. Леви-Строс, Б. Вандельфельс и др.), но и как языковой феномен (О.С. Иссерс, Л.И. Гришаева, В.В.Красных, А.Б. Пеньковский, А.Н. Серебренникова, М.Н. Петроченко и др.) [18, с. 91].

Категорию «свой/чужой» считают базовой культурологической категорией, позволяющей члену лингвокультурного сообщества структурировать пространство и определять природу находящихся в нем объектов по отношению к самому себе или своему личному пространству: тем самым, отчуждая их или располагая в зоне субъекта высказывания. Категория «свой/чужой» носит «корреляционный характер и представляет собой результат последовательного взаимодействия языковых маркеров и культурных доминант» [5, с. 41].

Лингвокультурологическая категория «свой/чужой» выступает в качестве базовой дифференциации по принадлежности-непринадлежности к кругу, умозрительно очерченному говорящим субъектом вокруг себя и себе

подобных [10, с. 135-143]. Академик Ю.С. Степанов отмечает, что «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [10, с. 126].

Реализация категории «свой/чужой» осуществляется посредством разнообразных языковых средств, которые на текстовом уровне могут быть организованы в определенную систему. С нашей точки зрения, к базовым языковым средствам, служащим разделению мира на «своих» и «чужих», относятся дейктики (это языковые способы выражения значения, указания. К ним относятся личные местоимения первого и второго лица (*I/we, you*), наречия места и времени (*here, now, there, then*), а также указательные местоимения (*this/these, that/those*) [5, с. 42]. В основе категории «свой/чужой» лежит значение указательности, служащей для обозначения «своих» или «чужих» [6, с. 2].

Наряду с дейктиками, к языковым средствам категории «свой/чужой» также вовлекаются оценочные средства. Таким образом, вторым неотъемлемым свойством, лежащим в основе данной категории, можно считать оценочность. Оценка производится по основанию: те, кто не с нами/мною, те против нас, и это плохо. Соответственно, чужой – это, другими словами, плохой. Те, кто с нами/мною – это хорошо, или свой – значит хороший.

С.В. Иванова пишет, что идентичность и самосознание «относятся к осознанию человеком своей принадлежности к определенной этнической группе и эмоциональное переживание этого факта» [1, с. 162]. Так Т.Г. Стефаненко в своей работе, опираясь на труды британских исследователей А. Тэшфела и Дж. Тернера, отмечает, что категоризация, направленная на отграничение от других, чужих, тех, кого человек противопоставляет себе и своей группе, производится на основе оценочного сравнения [11, с. 208-209].

Членение категории на бинарные оппозиции, т.е. на два мира – «свой» и «чужой» является одним из фундаментальных семиотических принципов. Как считает В.Н. Топоров, эта оппозиция является частным случаем общего бинарного принципа построения мифологической модели мира [3, с. 164].

Э. Бенвенист изучал особенности индоевропейского прилагательного *priuos*, из которого развилось другое русское *прияю* и имя деятеля *приятель*. Суммируя эти сведения, он делает вывод, что индоевропейский корень *priuos* имел значение личной принадлежности, подразумевающее не юридическое, а аффективное отношение к «себе», и всегда способное принять эмоциональную окраску, так что в зависимости от обстоятельств оно обозначает то «(свой) собственный», то «милый, дорогой, любимый» [3, с.164].

В свою очередь, А.Б. Пеньковский выдвигает предположение о существовании семантической категории «чуждости», которая «должна спрягаться с категорией отрицательной оценки («чужое» – плохое) и иметь специальные средства языкового выражения. Противопоставление «своего» и «чужого» интерпретируется в виде оппозиции – «хороший-плохой» с отрицательной оценкой всего, что принадлежит «чужому» миру. Помимо этого, А.Б. Пеньковский отмечает общую специфику семантической структуры производных с корнем *чуж-*/*чужд-*, которые представляют комплекс взаимосвязанных значений: «чужой» > «чуждый» > «враждебный» > «плохой» [9].

Ю.С. Степанов полагает, что именно противопоставление «свой/чужой» является одним из главных концептов массового, народного, национального мироощущения [3, с. 165].

М.Л. Хохлина говорит, что культурно-когнитивная парадигма лингвистического исследования предоставляет возможности для наиболее полного описания категорий «свой/чужой». Освоение мира является диалектически противоречивым процессом, т.к. «ощутить освоенное как «свое» можно лишь относительно «чужого», «иногo», «другого», «не своего».

Лишь глядя в «зеркало» «чужого сознания», можно попытаться увидеть и понять себя, соотносительно «чужому» или «другому» [18, с. 91].

Отсюда следует, что содержание образа «свой» во многом детерминировано содержанием образа «чужой» и является по отношению к нему вторичным.

Согласно мнению В.Г. Зусмана, концепты, выявляя взаимодействие всех основных антропологических факторов культуры, воплощают междисциплинарный характер культурологии. Так как «свой/чужой» является составным многоуровневым концептом, то он получает различные интерпретации в филологическом, психологическом, этнопсихологическом, философском и других дискурсах. Например, в философском дискурсе закладывается основа концепта «свой/чужой», формулируется его определение в самом общем виде, рассматриваются социальные и психологические его составляющие. В социологическом аспекте этот концепт является проявлением внутренней дифференциации общества, описывая взаимоотношения между отдельными социальными группами. В культурологическом же дискурсе исследуется описание особенностей функционирования оппозиции «свой/чужой» при взаимодействии и взаимовосприятии различных культур [13].

Одной из важнейших современных задач культурологического знания является сравнительное изучение «своего» и «чужого» в диалоге культур – как современных, так и исторически удаленных, как территориально смежных, так и разделенных непреодолимыми географическими и смысловыми расстояниями. Каждая культура находится в контакте с другой культурой. Таким образом, она стремится вычитать в ней «свое» (интерпретировать ее по преимуществу в этом ключе, тем самым «осваивая» ее собственными ментальными и языковыми средствами) и, напротив, отторгнуть «чужое» (соответственно осуждая его, дискредитируя, вытесняя или замещая его «своим»).

Чтобы рассмотреть данный концепт, нужно четко представить себе значения понятий, входящих в него. Итак, существует несколько гипотез, касающихся этимологии слов «свой» и «чужой». Так, Э. Бенвенист считает, что происхождение слова «свой» пошло от индоевропейского корня *swe-//swo-* с двойственным значением «сам, себя» и «свой». Им отдельный человек характеризуется именно как отдельный, как индивид, но одновременно как «подобный всем другим, таким же, как он, своим» [13].

По мнению В.Г. Зусмана, «свой» – означает «собственный», особенный, «личный», «отдельный», значимый «сам собой», имеющий «существо». Слово «чужой» заимствовано в русский язык из готского *tjudb* – «народ». «Чужое» – «не вычлененное, лишённое существа».

В свою очередь, Ю.С. Степанов предлагает две гипотезы происхождения слова «чужой», и отмечает это тем, что, с одной стороны, данное слово в русском языке родственно слову «чудо», при этом в некоторых случаях значение слов «чужой» и «чудо» («как явление, не объяснимое естественным порядком вещей») совпадают. К таким случаям относится прилагательное «чудной» – «по форме несомненно происходящее от корня чуд-, а по значению почти совпадающее с чужой, чуждый». С другой стороны, Ю.С. Степанов считает, что этимология слова «чужой» может восходить к названию одного из народов, населявших территорию нынешнего Северо-Востока России. Обе эти гипотезы сходятся в одной точке: «Народы, населявшие крайний – для тогдашних русских Север, воспринимались русскими как племена колдунов, кудесников (кудесник стоит в семантической близости к чуду, чудесам)» [13].

Longman Dictionary Contemporary English определяет «чужой», «чуждый» как «к, от, в, существующий или относящийся к стране или нации, которая не является своей собственной или не тот, о котором говорят» (foreign – to, from, of, in, being, or concerning a country or nation that is not one's own or not the one being talked about) [23, с. 437].

«Свой» в данном слова определяется как «что-то принадлежащее себе и никому больше» (that belongs to oneself and to nobody else) [23, с. 777].

Толковый словарь С.И. Ожегова дает представление слову «чужой» и определяет его следующим образом: «1. не собственный, принадлежащий другим, не свой; 2. не родной, не из своей семьи, посторонний; 3. далекий по духу, не имеющий близости с к-н., с ч-н., чуждый».

Слово «свой» определяет так: «1. принадлежащий себе, имеющий отношение к себе; 2. собственный, составляющий чье-н. личное достояние; 3. своеобразный, свойственный чему-н. одному, данному; 4. родной, или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [17].

В толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова лексемы «свой» и «чужой» имеют пять значений:

«Свой»

1. Принадлежащий или свойственный себе: изложить свои мысли, своя голова на плечах;

- совершаемый, изготавливаемый и т. п. лично, самим: жить своим трудом;

- исходящий от самого себя; не купленным, домашнего приготовления или самостоятельно выращенный: картошка своя;

- не искусственный, не поддельный, естественный: свой цвет лица;

2. Собственный, составляющий имущество или достояние отдельного лица, учреждения: иметь свою машину;

3. Относящийся к себе как к члену какого-л. коллектива, какой-л. общности, связанный отношениями родства, общим местом работы, взглядам и т.п.: пойти в кино со своим классом, бросить свою семью;

- не иностранный, не заимствованный; родной, отечественный: говорить на своем языке; пользоваться своими энергоресурсами;

4. Своеобразный, свойственный только кому-, чему-л. одному, данному или единому: вырабатывать свой стиль;

5. Соответствующий кому-, чему-л.; подходящий для данных условий, обстоятельств, лиц и т.п.: выполнить свой долг; на все есть свои правила [20, с. 727].

«Чужой»

Являющийся собственностью другого (других); не имеющий непосредственного отношения к кому-л.; не свой: прихватить чужой зонт;

2. Не являющийся родиной; не такой, как на родине: жить на чужой сторонешке;

- не местный (обычно иностранный): чужой язык;

3. Не связанный родственными отношениями; посторонний: воспитывать чужого ребенка;

4. Не связанный близкими отношениями с кем-л. не совпадающий по духу, взглядам, интересам; далекий: чужие по взглядам;

5. Отчужденный, отрешенный: лицо у нее было совсем чужое; он посмотрел на меня каким-то чужим взглядом [20, с. 929].

Macmillan English Dictionary определяет слово «чужой» следующим образом: «из другой страны или в другой стране; имеющий дело с или относящийся к другой стране» (foreign – from another country or in other country; dealing with or relating to other countries) [24, с. 552]; «из другой страны, расы или культуры» (alien – from a different country, race or culture) [24, с. 33].

Oxford Student's Dictionary of Current English дает такое определение понятию «чужой»: «1) лицо, не являющееся субъектом страны, в которой он живет; 2) чужой, чуждый; 3) противоположны (поведение, характер)» (alien- 1) person who is not a subject of the country in which he is living; 2) foreign; 3) the opposite of (behavior, character)) [22, с. 17]. «Свой» в его понимании – это «1) выражающий владение, принадлежащий одному человеку, не другому; 2) обладать, иметь как собственность» (own – for emphasis in possession, individual, not another's; 2) possess; have as a property) [22, с. 448].

Таким образом, оппозиция «свой/чужой» является универсальным бинарным кодом культуры, и его использование позволяет исследовать особенности авторского мировоззрения. Кроме этого, данная оппозиция позволяет оперировать оценкой «хорошо» или «плохо», исходя из принадлежности объектов, фактов, людей к классу «своих» или «чужих».

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2003. 364 с.
2. Белая Е.Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учебное пособие. М: Форум, 2011. 208 с.
3. Вестник. Концептуальные поля СВОЙ и ЧУЖОЙ в сказах И. Ермакова.
4. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида. Слово. Текст. М.: Избранные труды, 2005. 305 с.
5. Иванова С.В. Дейктико-аксиологическая природа лингвокультурологической категории «свой-чужой». Об основных понятиях и категориях лингвокультурологии. Когнитивные и семантические аспекты языка и речи: Сб. науч. ст. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 40 – 46.
6. Иванова С.В. Специфика оценочного значения в реализации категории «свой – чужой» // Университетские чтения – 2010. 14-15 января 2010, часть 4, секции 9-12 симпозиума 1. Пятигорск, 2010. С.145 – 151.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 386 с.
8. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
9. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры 2004. 464 с.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: ИП РАН, Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 320 с.

Электронные ресурсы

12. Концепт как объект современных лингвистических исследований / URL: <http://referat911.ru/Inostrannye-yazyki> (дата обращения: 3.03.2014).
13. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX-XXI вв. / URL: <http://www.dslib.net> (дата обращения: 14.04.2014).
14. Концепция современной лингвистики английского языка [электронный ресурс] / URL: <http://student.zoomru.ru/ino/> (дата обращения: 23.03.2014)

15. Место и структура концепта в современной лингвистике / URL: <http://www.pandia.ru/text/77/305/25644.php> (дата обращения: 5.03.2014).
16. Понятие и применение концептов [электронный ресурс] / URL: <http://knowledge.allbest.ru/languages> (дата обращения: 3.03.2014).
17. Толковый словарь Ожегова онлайн / URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28162> (дата обращения: 13.05. 2014).
18. Хохлина М.Л. Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» / URL: <http://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 17.04.2014).
19. Debora Moggach. Biography / URL: <http://www.deborahmoggach.com/index.php/biography> (дата обращения: 25.05.2014).

Словари

20. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
21. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008. 960 с.
22. Hornby A.S. Oxford Student's Dictionary of Current English. Moscow.: Prosveshceniye Publishers, Oxford University Press, 1983. 769 p.
23. Longman Dictionary of Contemporary English, London.: Longman Group Ltd., 1978. 1303 p.
24. Macmillan English Dictionary for advanced learners. International Student Edition, Oxford.: A&C Black Publisher Ltd., 2006. 1692 p.
25. Oxford Dictionary of English. Second Edition. Revised, Oxford.: University Press, 2005. 2088 p.

УДК 821. 161.1

А.Ю. Новикова
Забайкальский государственный университет,
магистрант направления «Литературное образование», ФФиМК
E-mail: alyona_ve1992@mail.ru

Цитаты и реминисценции из библейского текста в рассказе А.П. Чехова «Архиерей»

Аннотация: В статье рассматривается роль и влияние библейских цитат и реминисценций (аллюзий) в творчестве А.П. Чехова на примере анализа рассказа «Архиерей». Раскрываются принципы ориентации текста на слово Псалтыри, которые позволяют проследить за процессом духовного освобождения героев произведения от болезни, одиночества, непонимания.

Ключевые слова: цитата, реминисценция, Библия, творчество А.П.Чехова, чужой текст, архиерей, Страстная неделя, воскресение Христа.

A.Y. Novikova
Transbaikal State University,
Master of the direction of "Literary education" FFiMK
E-mail: alyona_ve1992@mail.ru

In search of biblical quotations and allusions (from a story by Anton Chekhov's "The Bishop")

Summary: The article discusses the role and influence of biblical quotations and allusions in the work of on the example of A.P. Chekhov's short story «The Bishop». Explain the principles of the orientation of the text on the word Psalms, which allow to follow the process of spiritual liberation heroes works from illness, loneliness, misunderstanding.

Keywords: quotation, reminiscence, an allusion to the Bible, Psalms, creativity AP Chekhov, someone else's text, the bishop, Holy Week, Christ's resurrection.

Творчество каждого автора самобытно, индивидуально. Но довольно часто в произведениях художественной литературы, принадлежащих перу мастеров слова, можно наблюдать явное или скрытое «присутствие» чужого текста. Реминисценции и цитаты составляют важные звенья содержательной формы литературных произведений, реализуют культурно-художественную и жанрово-стилистическую проблематику творчества писателей, их потребность в художественно-образном отклике на явления предшествующего искусства, прежде всего словесного.

Чехов, как большой писатель, ищущий новые пути творческого развития, очень чутко воспринимал и впитывал в себя предыдущие литературные произведения, особенно посвящённые той же теме, что волновала и его: теме несовершенства мира, одиночества человека в нем. Известно, что в его библиотеке осталось множество книг самых разных авторов, испещренных пометками писателя. Он искал в этих произведениях что-то для себя, вдохновлялся ими, и, в конце концов, использовал в своих произведениях.

В устах героев Чехова многие библейские и литературные цитаты, в которых на первый план выходит не содержание, а само свойство повторяемости, цитируемости. У Чехова это часто общеизвестные, истёртые фразы, которые потеряли свой смысл или никогда не были осмыслены. Они не выполняют информативной функции, но и функция сохранения культурной памяти здесь оказывается, выполнена чисто формально.

Показателен рассказ А.П. Чехова «Архиерей», в нем писатель обращается к Библии на двух уровнях:

1) Мифологическая трактовка евангельского сюжета о страданиях и воскрешении Христа. С этим в рассказе связаны события духовного плана, совершающиеся в течение Страстной недели: происходит нравственное раскрепощение души главного героя, воскрешение истинной человечности, свободы.

Историю духовного освобождения архиерея от болезни, одиночества, убогости русской жизни можно проследить в следующих строках:

«Представилось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» [2, с. 561].

Использование героями А.П. Чехова текстов Псалмов (37-го и 103-го) помогает в раскрытии глубокие душевных переживаний архиерея:

37-й и 103-й Псалмы образуют те самые крайние полюсы состояния человеческой страждущей души, между которыми натянуто поле исповеди Псалтыри.

37-й Псалом Давида в воспоминание (о субботе) – плач, рассказ о болезни, одиночестве, об отчаянии человека: *«4 Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих, 5 ибо беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне. <...> 7 Я согбен и совсем поник, весь день сетуя хожу, 8 ибо чресла мои полны воспалениями и нет целого места в плоти моей. 9 Я изнемог и*

сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего. <...> ...22 Не оставь меня, Господи, Боже мой!» [1, с. 56].

103-й Псалом выражает радостное чувство человека от сознания причастности к сотворенному Богом миру: «1 Благослови, душа моя, Господа! Господи, Боже мой! Ты дивно велик, ты облачен славою и величием...33 Буду петь Господу во всю жизнь мою, буду петь Богу моему, доколе есмь...35 Да исчезнут грешники с земли, и беззаконных да не будет более» [1, с. 105].

Прошлое в рассказе предстает с точки зрения настоящего. О людях, возникающих в воспоминаниях архиерея, он судит с вершин прожитой жизни, своего опыта, своих теперешних чувств. «Милое, дорогое, незабвенное детство! Отчего оно, это навеки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется светлее, праздничнее, богаче, чем было на самом деле?». Но и настоящее раскрывается в рассказе с точки зрения прошлого. Преосвященный сидит за столом с матерью и Катей и, слушая свою мать, вспоминает, «как когда-то, много-много лет назад...» [2, с. 560].

Символическое значение имени соотносится с саном героя чеховского рассказа. Архиерей несёт ответственность за дела в епархии, за духовное просвещение десятков тысяч верующих. Но власть становится преградой между ним и простыми людьми, даже перед родной матерью. Не случайно происходит смена имён – вместо церковного Петр (от древнегреч. «петра» – камень, скала, утёс, каменная глыба, в тоже время «кроткий»), на него была возложена миссия по созданию Христовой церкви. «Ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» [1, с. 19] появляется Павлуша (**Павел** – имя арамейское, означающее – «малый», «тихий», «кроткий», склонный к замкнутости). «Будьте как дети, учил Христос, и Царствие Небесное будет ваше...» [1, с. 21].

Глубоко символично, что события, описанные в рассказе, приходятся на Страстную неделю – последнюю неделю Великого поста, предшествующую Пасхе и посвящённую воспоминаниям о страданиях и крестной смерти

Спасителя. Поэтому смысл того, что происходит в последние земные дни с преосвященным Петром, воспринимается в **проекции на самого Иисуса Христа:**

«Казалось, что все лица... походили одно на другое, у всех, кто подходил за вербой, одинаковое выражение глаз» [2, с. 559] – писатель отсылает к библейскому сюжету моления Христа в Гефсиманском саду и о равнодушии его учеников: *«Трижды Иисус приходил к своим ученикам в надежде, что увидит их молящимися. Но каждый раз находил их спящими» [1, с. 33];*

«И почему-то слезы потекли у него по лицу... На душе было покойно, всё было благополучно...» - реминисценция на духовные переживания Христа перед будущими событиями во искуплении грехов человечества. *«Борение и жестокая боль души были столь сильными, что пот Его падал на землю, как капли крови» [2, с. 560].*

Проблема библейских традиций в творчестве Чехова получила освещение в мемуарной литературе и в целом ряде научных исследований. Наибольший интерес при анализе этой проблемы вызывают два аспекта: 1) этическая и художественная природа чеховской трактовки евангельских сюжетов и образов, «жанров» (притча) как способов эпического воплощения глубокого философского смысла произведений; 2) проблема веры Чехова, отношение его к религии и к христианской вере. Письма и художественное творчество писателя предоставляют достаточно большой и сложный материал, не позволяющий дать однозначного ответа на этот вопрос. Сложность позиции Чехова состоит в том, что материалистическое мировоззрение писателя, его воинствующая защита философских основ материализма от разного рода идеалистических концепций сочетается с уважением к вере человека как важнейшему условию его нравственной самостоятельности.

Следует учесть, что Чехов прекрасно знал Библию. В письмах (например, к М. Е. Чехову 18 января 1887 года) он давал толкование филологическим тонкостям Священного Писания. В чеховском обращении к

Библии просматривается определенная динамика: ранние письма и художественные произведения пестрят строками из Библии и, как правило, они введены в юмористический контекст между прочим.

2) Мотив воспоминания. Вокруг мотива воспоминания нанизываются, сталкиваясь и пересекаясь, образуя внутреннюю мелодию рассказа, две контрастные интонации: *«Вспомнилась преосвященному белая церковь, совершенно новая, в которой он служил, живя за границей, вспомнился шум теплого моря... И вспомнилось ему, как он тосковал по родине...»* [2, 560 с.].

Чехов открывает возможность свободного отступления и во времени и в пространстве, что так важно для эпического жанра:

«Преосвященный, слушая про жениха... чувствовал не раскаяние в грехах, не скорбь, а душевный покой. И, быть может, на том свете, в той жизни мы будем вспоминать о далеком прошлом» [2, с. 562] – переkreщивание временных пластов, создание представления о развёрнутом, почти библейском времени, когда жизнь есть, была и будет;

«В церковных сумерках толпа колыхалась, как море ... толпа всё двигалась, и похоже было, что ей нет и не будет конца...» – проекция на библейский сюжет хождения по водам: *«В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились... Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь»* [1, с. 16 – 17]. В данной отсылке к библейскому сюжету отражается огромная роль проведения всеобщей накануне Пасхи, где каждый сомневающийся может обрести веру и соединиться с Господом.

«В четверг служил он обедню в соборе, было омовение ног» [2, с. 561] – реминисценция на библейский сюжет омовения ног: *«Иисус...влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан»* [1, с. 119]. В православной церкви чин омовения ног совершается в Великий четверг архиереем, который омывает ноги 12 священникам в воспоминание омовения, исполненного Спасителем над апостолами пред Тайной вечерей;

«Вот наступит светлое Христово воскресение, тогда потолкуем... Я помогу» [2, с. 563] – отсылка к библейскому сюжету последней беседы Христа с его учениками: *«Дух Святой...научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам»* [1, с. 121];

«А я вот пришёл, хочу вас смазать водкой с уксусом» [2, с. 563] – отсылка на подробности распятия Христа: *«И, придя на место, называемое Голгофа, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить»* [1, с. 35].

Уксус – 1) обыкновенное питье (как слабое красное вино); 2) известная кислота, разбавленная водою. Хлеб, обмакиваемый в уксус, в древнее время составлял обычную пищу в Палестине. Пред распятием Господа Ему давали пить уксусу, смешанного по Матфею с желчью, а по Марку – с миррою [1, с. 34, с. 18]: это был напиток, притупляющий чувство, и его обыкновенно давали пить осужденным, чтобы, хотя несколько уменьшить мучительность страданий;

«День был длинный, потом наступила и долго-долго проходила ночь, а под утро, в субботу...преосвященный приказал долго жить» [2, с. 563] – реминисценция на Страстную пятницу и на крестную смерть Христа в субботу.

Интерес Чехова к Библии и к литературе, связанной с ее толкованием, был продиктован в первую очередь художественной практикой писателя. Поэтика зрелого Чехова восходит к Библии через прямое обращение к сюжетам, образам, наконец, к эпическому библейскому тону, интонации.

В прозе Чехова, писателя конца XIX века, эпохальное значение приобретает само протекание душевной жизни героя – обыкновенного человека. Психологизм превращается в прозе Чехова в универсальный способ выражения философской концепции автора. Само повествование приобретает исповедальный характер. Объективность выражения авторской позиции сочетается с концептуальностью, способом выражения которой становится лиризм, приобретший в произведениях Чехова значение общего и

характерного для русских людей конца XIX века состояния нравственного кризиса. Именно в прозе Чехова, отмеченной высшей степенью философского обобщения и психологизма, сделалась видимой связь исповедальной литературы со своими истоками – с Псалтырью.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного писания // В русском переводе. USA, 1990. 1325 с. (Евангелие от Матфея, Иоанна).
2. Чехов А.П. Повести и рассказы. М.: Русский язык, 1981. 589 с.

УДК 882

А.С. Локотаева
Забайкальский государственный университет,
магистрант I курса обучения «Литературное образование»
E-mail: anich.93@mail.ru

Роман Ч. Паланика «Бойцовский клуб» и его экранизация

Аннотация: Статья посвящена книге Чака Паланика «Бойцовский клуб» и ее экранизации Дэвида Финчера. Кино практически все снято по сюжету художественного произведения за исключение некоторых эпизодов. Они подробно рассмотрены в статье, их положительные и отрицательные стороны. Говорится о диалоге двух видов искусств – литературы и кино, как они взаимодействуют и влияют друг на друга, и почему так важна качественная экранизация книги.

Ключевые слова: художественное произведение, кино, экранизация, писатель, диалог искусств, главный герой.

A.S. Lokotaeva
Transbaikal state university
undergraduate first course "Literary education"
E-mail: anich.93@mail.ru

The book and the film adaptation of "Fight club" by Chuck Palahniuk

Annotation: The article is devoted to the book of Chuck Palahniuk "Fight club" and its film adaptation by David Fincher. The movie is almost all filmed in the story of the artwork except for some episodes. They are discussed in detail in the article, their positive and negative sides. They say about the dialogue of cultures – the book and film, how they interact and affect each other, and why is it important to quality adaptation of the book.

Keywords: artwork, film, film adaptation, writer, dialogue of arts, the main character.

Каждый из нас хоть раз в жизни слышал имя Чака Паланика. Это не удивительно, ведь его личность, книги, особенности стиля, сюжеты, герои произведений неоднозначны и непредсказуемы, что вызывает у одних читателей негодование и шок, у других – любовь и восхищение. Американского писателя украинского происхождения часто именно так и называют – шоковый писатель. Чаку Паланика как шоковому писателю присущи: необычность изображаемых ситуаций и поступков героев, к которым он относится скорее с юмором, нежели критически, неуместные включения публицистических фрагментов в художественные произведения. Появление публицистики в его текстах можно объяснить тем, что Паланик окончил факультет журналистики Орегонского университета в США и некоторое время проработал корреспондентом газеты. Это наложило отпечаток на стиль изложения писателя. В смешении двух видов стилей – публицистического и художественного проявляется его особенность, новизна и непохожесть на другие.

Есть еще одно не самое лучшее, но распространенное определение творчества Чака Паланика. Около 10 лет назад в журнале «Салон» Лора Миллер написала довольно жесткую, негативную рецензию на роман «Дневник» Ч. Паланика. В ней она отозвалась о книгах американского писателя как о «недоделанном нигилизме обкурившегося старшеклассника, который только что открыл для себя Ницше и «Nine Inch» (американская индастриал-группа)» [1]. Многим это выражение показалось верным, и поэтому его стали использовать применительно к художественным

произведениям Ч. Паланика. Стоит отметить, что, несмотря на обилие критики в адрес автора, у него одно из самых крупных сообществ поклонников в интернете.

Известность американскому писателю и фриланс-журналисту принес один из первых его романов «Бойцовский клуб», который был экранизирован в 1999 году. Поначалу фильм был крайне неоднозначно принят публикой и критиками, собрав в североамериканском прокате только 37 миллионов долларов против 63 миллионов, вложенных в его производство. Через 10 лет после премьеры влиятельная газета «The New York Times» напечатала статью Денниса Лима, в которой «Бойцовский клуб» был назван «определяющим культовым фильмом нашего времени». Он числится в десятке лучших фильмов, по версии IMDb и входит во многие другие подобные рейтинги. Это один из фильмов, вызвавших в 1990-е годы наибольший общественный резонанс.

В данном случае книга Чака Паланика стала известна благодаря кино, поэтому вопрос о содружестве искусств становится актуальным. Диалог искусств помогает ярче представить художественный образ, понять и углубиться в литературу, усилить эмоциональное и нравственное воздействие.

Что дает взаимодействие экранизации и художественного произведения? Происходит ли взаимовлияние?

Во-первых, кино делает книгу доступной для широких зрительских кругов. Причины, по которым она недоступна, бывают разные: высокая стоимость, не переведена на родной язык, отсутствие произведения на прилавках магазинов, нехватка времени на прочтение и т.п.

Во-вторых, постановщики фильмов помогают разрекламировать ранее неизвестных авторов и их произведения. Это очень важный аспект взаимодействия культур, так как новые писатели несут свежие идеи и мысли, и они должны быть услышаны обществом. Возможно, они помогут найти ответы на волнующие современность вопросы.

В-третьих, создаются новые, оригинальные произведения другого вида искусства (кино). Таким образом, обогащается мировая культура и создается историческое наследие.

В-четвертых, такой диалог культур поможет активизировать пассивного читателя. В настоящее время это особенно актуально, так как люди перестали читать большие тексты, отдавая предпочтение коротким новостным заметкам или минутным информационным сюжетам в приложении на своем смартфоне.

Читая книгу, невольно сопоставляешь ее с кино, вспоминаются яркие эпизоды: внешность героев, сюжет произведения, цитаты и реплики главных действующих лиц. Это так называемая «зрительная ориентация», и здесь важно добиться взаимодействия двух видов искусства – художественной литературы и кинематографии.

Экранизация романа «Бойцовский клуб» выполнена качественно. Практически все снято по сюжету книги, за исключением некоторых моментов. Самое важное отличие – это финал. В нем Рассказчик стреляет себе в рот, но остается жив, потому что пуля отскокнула и попала в щеку. С окровавленным лицом, взявшись за руку Марлы, он стоит и наблюдает за рушащимися небоскребами, которые заминировал Тайлер. Развязка оказалась более неожиданной и зрелищной, чем в книге. В ней главный герой стреляет в себя, его пытается спасти Марла Зингер. Дальше речь идет о жизни на небесах, об ангелах, о встрече с Богом, о том, что ему приходят письма от Зингер, о том что ангелы, которые приносят таблетки и еду, время от времени подмигивают ему и говорят, что все идет по плану. Становится понятно, что главный герой не умер, а пребывает в психиатрической больнице. Такой печальный, трагический и реалистичный конец у книги.

Второе, не менее важное отличие создание образа единственной женщины в книге Марлы Зингер. В произведении Чака Паланика она более чуткая, заботливая, временами даже нежная. В экранизации Дэвида Финчера

она грубая и злая, но зато здесь достаточно точно переданы ее попытка суицида, эгоизм и неряшливость.

В оригинале текста часто встречаются повторы типа: «Я – точка кипения Джо» или «Я – полная невозмутимость Джо». Этим приемом автор пытается показать болезнь, психическое расстройство Рассказчика. В кино же эти повторы заменены визуальным восприятием героя, что дает возможность понять, что Рассказчик страдает от шизофрении. У него уставшие и измотанные глаза, потрепанный и неряшливый вид.

Интересный ход придумали постановщики фильма. Между актерами был договор, что Рассказчик должен к концу фильма заметно похудеть, а Тайлер, наоборот, набрать мышечную массу. Этим они хотели показать, как Тайлер вырос за счет своего «двойника».

Еще одно отличие, которое оказалось выигрышным для кино – это подчеркивание яркими цветами нереальности ситуации. Это происходило, когда появлялся Тайлер Дерден. Самая первая встреча с Тайлером произошла в самолете. На нем были очки с желтыми стеклами и красная, глянцевая, кожаная куртка. И так по ходу всего фильма. Перебивы темных и ярких цветов появляются на протяжении всего фильма, но этот визуальный прием помог достичь эффекта важности и значимости фигуры для Рассказчика.

В книге, как и в кино, была сцена, где Рассказчику его двойник делает ожог щелочью, так называемый «Поцелуй Тайлера». Это своеобразный знак участника проекта «Разгром». В фильме это происходило с криками и адской болью. Рассказик умолял о пощаде и постоянно порывался за водой. В оригинале же главный герой сдерживал себя и медитировал, спокойно слушая речь Тайлера. Фильм больше воздействует на эмоциональное состояние зрителя. Текст книги обращен к духовности: герой смиренно принимает боль, не дает ей власти над собой, становясь закаленным и сильным.

Интересно то, что нет имени у главного героя, а у его двойника, вымышленного человека, есть. Скорее всего автору это не важно, ведь главный герой был бы никем, если бы не проявившееся его альтер-эго. Он так

и остался бы простым офисным работником, которого мучает бессонница, клерком, который покупает мебель фирмы «Икеа», и кроме ее у него больше нет других интересов. Его жизни скучна и однообразна. Жизнь Тайлера – это взрыв эмоций, колоссальный выплеск адреналина, борьба за идею. Он хотел избавить мир от всего лишнего, того, что мешает свободной жизни. Автор выбрал не случайно имя «Тайлер». Оно означает жертву ради какой-то цели, во благо другого человека. Этим и занимался вымышленный персонаж.

Конечно, кино и книга не могут быть идентичными, хотя бы потому, что создают их разные люди со своими взглядами на жизнь. Автор и режиссер по-своему пытаются донести собственные идеи. В данном случае экранизация состоялась и передает идеи Ч. Паланика языком киноискусства.

Список литературы

1. Виктор Сонькин. Чак Паланик. Пигмей / URL: <http://www.litsnab.ru/literature/3640> [дата обращения: 20.11.2015].

УДК 882

Ю.И. Петелина
магистрант Забайкальского государственного университета,
факультет филологии и массовых коммуникаций
E-mail: j.petelina@mail.ru

Особенности изображения персонажей в романе Дж.Р.Р. Мартина «Игра престолов» (из цикла «Песнь льда и пламени»)

Аннотация: Статья посвящена описанию особенностей изображения персонажей в романе Дж.Р.Р. Мартина «Игра престолов». Автор дает определение основным понятиям, выделяет языковые средства выразительности и стилистические приемы, используемые для изображения персонажей. В статье рассматриваются и анализируются прием косвенного изображения и языковые портреты группы персонажей, а также автор предлагает примерная классификация персонажей по различным признакам.

Ключевые слова: языковой портрет, речевая характеристика, несобственно-прямая речь, прием косвенного описания.

Y.I. Petelina
Undergraduate of Zabaikalsky State University,
Faculty of Philology and Mass Communications
E-mail: j.petelina@mail.ru

The Features of the Image of Personages in G.R.R. Martin's novel «A Game of Thrones» (from the series «A Song of Ice and Fire»).

Annotation: This article focuses on the features of the image of personages in G.R.R. Martin's novel «A Game of Thrones». The author defines the basic concepts, highlights the linguistic expressive means and stylistic devices used to represent characters. The indirect description technique and linguistic portraits of some personages are discussed and analyzed in this article, the author also suggests a model of classification for personages according to different characteristics.

Keywords: linguistic portrait, speech characteristic, free indirect style, indirect description technique.

В данной статье рассматривается роман американского писателя и сценариста Джорджа Реймонда Ричарда Мартина (George Raymond Richard Martin) «Игра престолов» («A Game of Thrones») из цикла «Песнь льда и пламени» («A Song of Ice and Fire»), который относят к жанру фэнтези. Настоящая статья представляет результаты предварительного изучения способов изображения центральных героев романа. Анализ главных персонажей романа осуществлялся посредством изучения их внешней и внутренней речи. Особенного внимания заслуживают способы создания и изображения персонажей автором в данном произведении, поскольку роман состоит из глав, повествование в которых ведется от лица самих персонажей. Автор выделяет некоторых из них и отводит им данную роль. На использование приема косвенного описания персонажей, Мартин был вдохновлен опытом работы журналиста. Автор считает, что этот опыт поспособствовал взгляду на одну ситуацию с разных точек зрения, что обеспечивает большую реалистичность событий и персонажей романа [9].

Прием косвенного описания героев (через их слова, поступки и личные впечатления друг о друге) не дает объективной оценки личностей

персонажей, поэтому в статье анализируются языковой и речевой способы изображения персонажей.

Прежде всего, стоит выяснить, что такое языковой (лексический) портрет и речевая характеристика персонажа. Согласно В.В. Виноградову, языковой портрет – это «вместилище социально-языковых форм и норм коллектива», «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, целевой направленностью» [1]. Понятие речевого портрета, согласно Д.Э. Розенталю, М.А. Теленковой, звучит следующим образом: «подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей. В одних случаях для этой цели используются слова и синтаксические конструкции книжной речи, в других средством речевой характеристики служат просторечная лексика и необработанный синтаксис, а также излюбленные "словечки" и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с той или иной стороны» [7].

Соотношение понятий языковой портрет (языковая личность) и речевой портрет заключается во взаимообусловленности языка и речи. В настоящее время понятие «языковой портрет» не имеет в литературоведении единой трактовки, и во многих работах авторы употребляют термины «языковой портрет», «речевой портрет», «языковая личность» и «речевая характеристика» как синонимы. Языковая личность состоит из способностей человека осуществлять различные виды речемыслительной деятельности и использовать различного рода коммуникации для общения с другими людьми и с окружающим миром, поэтому в настоящей статье используется термин «языковая личность» в значении совокупности всех речевых и языковых способов изображения персонажа в произведении [5].

Известно, что центральной фигурой в художественных произведениях является человек, его мысли и переживания, а также его речь. По мнению Л.П. Поздняк, художественный образ рождается и развивается в литературном тексте, что обеспечивается языковыми средствами. Одним из важнейших факторов при анализе художественных персонажей выступает речь персонажей. А.И. Гальпериным выделяются три типа передачи речи: прямая речь, косвенная речь и несобственно-прямая речь (объединяющая косвенно-прямую речь и изображенную речь) [6].

Что касается первого романа в цикле Дж.Р.Р. Мартина, в нем можно выделить наличие несобственно-прямой речи (далее НПР), которую Ю.В.Шарапова попыталась систематизировать на основании структурно-семантического критерия. Согласно ее исследованиям, НПР можно разделить, прежде всего, на два вида: 1) где персонажем или персонажем-повествователем передается сказанное им самим либо другим лицом (внешняя речь); 2) где персонаж или персонаж-повествователь погружен в собственные мысли (внутренняя речь) [8].

Действие цикла романов Дж.Р.Р. Мартина происходит в вымышленном мире, отдаленно напоминающем Западную Европу в эпоху Средневековья. Географически мир цикла состоит из двух континентов: Вестероса (Westeros) и Эссоса (Essos). Что касается времени, в котором находятся персонажи романа, оно не определено временными рамками, однако, часовые промежутки соответствуют реальным. Смена времен года несколько отличается от реального мира. В Вестеросе два сезона: зима и лето, причем каждое из них может длиться годами или десятками лет. Переходных сезонов, весны и осени, между ними нет. Основное действие романов протекает на континенте Вестерос, который занимает государство Семь королевств (*Seven Kingdoms*). Уже в самом названии подчеркивается его политическая раздробленность на отдельные, относительно независимые государственные образования, разделенные границами [3]. Семь королевств окружены с одной стороны с Эссосом (через море), с другой стороны отделены Стеной от

дальних земель Таинственного леса, где обитают Одичалые (*the wildlings*), именующие себя «вольным народом» (*the free folk*) – люди сбежавшие за Стену по каким-либо личным причинам и объединившиеся с другими народами и мистическими существами, например, великанами, грумкинами и снарками – и Иные (*Others*) – мистические и зловещие существа, неоставляющие следов, бесшумнодвигающиеся, с ледяным телом, олицетворяющие собой зиму, холод и смерть. Иные – главная опасность, угрожающая Вестеросу, правительство которого больше занято интригами, преступлениями против короля, междоусобицами и захватом власти.

В Семи королевствах есть несколько главных семейств (домов), имеющих собственную территорию, армию, крестьян. Персонажи, способы изображения которых анализируются в данной статье, являются членами одной из сильнейших и главных семей в романе, семьи Старков. У каждого семейства, представленного в романе, есть своя символика и девиз. Девиз Старков: «Зима близко» (*«Winter is coming»*), прежде всего, говорит нам о происхождении этого рода. Старки – северяне, тысячи лет правящие в Винтерфелле, называют себя Королями Севера. Символ дома Старков, изображенный на их знамени – лютоволк (крупное животное, в несколько раз крупнее реального волка, обитающее на Севере). Лютоволки крупнее и умнее других волков. В символике волк описывается как олицетворение доблести, осмотрительности и бдительности. Фамилия этой группы персонажей также является символом, с помощью которого можно охарактеризовать ее носителей. «*Stark*» в переводе с английского языка имеет значение «сильный, неистовый, строгий, суровый». Таковыми представляются члены семьи Старков, считающие честь и силу самыми главными ценностями людей.

В состав семьи Старков входят: лорд Эддард, его жена Кейтилин и их дети: наследник титула Робб, Санса, Арья, Брандон (Бран), Рикон и незаконнорожденный сын Эддарда – Джон Сноу. В статье акцентируется внимание на центральных персонажах романа, влияющих на ход событий, поэтому трехлетний мальчик Рикон и его брат Брандон не входят в состав

анализируемых персонажей: Рикон по причине возраста, а персонаж Брандона в первом романе цикла находится в зачаточном состоянии, в других частях романа ему отведена роль одного из главных персонажей, так как он является единственным из этой группы персонажей, кто обладает магическими способностями.

Будет логичным начать с языкового портрета Эддарда Старка. Впервые Эддард описывается от лица своего сына Брана:

«Bran's father sat solemnly on his horse, long brown hair stirring in the wind. His closely trimmed beard was shot with white, making him look older than his thirty-five years. He had taken off Father's face, Bran thought, and donned the face of Lord Stark of Winterfell» [11, с. 13].

Данная цитата не только дает нам краткую информацию о внешности, возрасте, социальном положении Эддарда, но и выступает доказательством тезиса о том, что автор характеризует своих персонажей косвенно. «Торжественно восседая на своем коне», Эддард демонстрирует свою силу и стойкость, присущие лорду Винтерфелла. Эддард – человек чести, который находясь в близких дружеских отношениях с королем, тем не менее, соблюдает дистанцию, обращаясь с уважением: *«Yet Robert was Ned's king now, and not just a friend, so he said only, «Your Grace. Winterfell is yours»* [11, с.30]. Судя по внутренней речи, недомолвкам и риторическим вопросам, которые сопровождают его диалоги с королем, становится понятно, что былые доверие и дружба испорчены социальным неравенством персонажей (*«he left his doubts unspoken»*, *«Ned had his suspicions, but he did not give them voice»*, *«Was there no end to Robert's folly?»*). Контрастное противопоставление суждений короля и Эддарда *«Ned had named that murder; Robert called it war»* акцентирует внимание на изменившихся отношениях между героями.

Такие эпитеты как *«said respectfully»*, *«distant and formal voice»*, *«quietly»* и обращения *«my lady»*, *«Your Grace»* характеризуют Старка как вежливого и учтвого человека, строго соблюдающего субординацию.

Будучи назначенным Десницей (*King's Hand*), Эддард не испытывает положительных эмоций, наоборот, его внутренняя речь содержит некоторые предчувствия («*a terrible sense of foreboding*»), подтверждающиеся эпитетами во внутренней речи жены и незаконного сына: «*grimly*», «*a rueful smile*», «*hooded eyes, seeing nothing*», «*muttered darkly*». Более того, персонаж Эддарда претерпевает значительные изменения, оказавшись при дворе. Цитаты: «*...it struck Eddard Stark forcefully that he did not belong here, in this room, with these men*» и «*Perhaps too sharply, from the looks they gave him. He would have to remember that he was no longer in Winterfell*» [11, с. 136], эпитеты «*forcefully*» и «*sharply*», а также модальная конструкция «*have to*» подчеркивают сложность взаимодействия с другими персонажами, которых король называет «льстецами и дураками».

Отношения внутри семьи высоко ценятся Эддардом. Он воспитывает своих детей в умеренной строгости, поэтому любое проявление чувств не остается незамеченным его детьми, например, «*Are you well, Bran?*» *he asked, not unkindly*» (в переводе Ю.Р. Соколова: «даже с заботой»), «*His lord father smiled*», «*As angry as he was, his father could not help but laugh*». Тот факт, что у Эддарда есть незаконнорожденный сын или бастард («*bastard*») Джон, не дает покоя герою, напоминая ему, что он обесчестил себя и свою семью. Хотя, как отмечается в книге, он был единственным среди лордов, кто признал в бастарде сына и воспитал его со своими детьми («*The Starks were not like other men. Ned brought his bastard home with him, and called him «son» for all the north to see*», «*I dishonored myself and I dishonored Catelyn, in the sight of gods and men*» [11, с. 80].). Эпитет «прохладная любезность» («*cool courtesy*») демонстрирует отношение к королю, и «напряженный от гнева» («*mouth tightened in anger*») – отношение к самому себе и своему поступку.

Стилистический анализ внутренней и внешней речи персонажей дает нам точное описание характера Эддарда Старка. Это честный и сильный человек, который ценит свою семью и благо государства превыше всего. Однако, основной идеей Мартина в создании данного персонажа было

доказать, что не каждый хороший человек может стать хорошим королем [10]. Поэтому смерть Эддарда в конце романа является приемом обманутого ожидания для читателей.

Особого внимания заслуживает персонаж жены Эддарда Кейтилин, так как она рождена в семье Талли, значит, в ней сочетаются воспитание ее семьи и приобретенные за годы проживания с северянами черты характера Старков. Судя по внутренней речи, Кейтилин скучает по родному дому и порядкам и не все принимает в Винтерфелле. Это подтверждается ее отношением к девизу дома Старков: «*The words gave her a chill, as they always did. The Stark words. Every noble house had its words. Family mottoes, touchstones, prayers of sorts, they boasted of honor and glory, promised loyalty and truth, swore faith and courage. All but the Starks. Winter is coming, said the Stark words. Not for the first time, she reflected on what a strange people these northerners were*» [11, с. 20]. Персонаж Кейтилин представляет сильную женщину благородного происхождения и мать. Как для матери, ей трудно расставаться с детьми: эпитеты «*trembling*», «*afraid*», сравнение «*like an icy draft through her heart*» и риторические вопросы («*Was this to be her punishment? Never to see his face again, nor to feel his arms around her?*») [11, с. 46]) описывают ее внутреннее состояние в подобной ситуации. Бран для нее «особенный мальчик», такое определение, возможно, отражает намерение автора сделать данный персонаж одним из главных, наделив его магическими способностями. С другой стороны Кейтилин ненавидит своего пасынка: «*...she had never called him by his name before*», «*she asked in a voice strangely flat and emotionless*» [11, с. 69]. То, как она относится к нему, характеризуется словами ее мужа: она «чертовски жестока» по отношению к нему («*damnably cruel*»). Кроме того, Кейтилин считает его угрозой благополучия детей: «*He would father no sons who might someday contest with Catelyn's own grandchildren for Winterfell*» [11, с. 48]. После смерти мужа Кейтилин демонстрирует свою эмоциональность и рассудительность («*Will that vengeance bring Ned back to me?*», «*A blind rage filled her, a rage at all the world*» [11, с. 540]).

Персонаж Леди Старк является одним из противоречивых. В нем сочетаются образ матери и образ сильной и жестокой женщины. На примере данного персонажа автор, скорее всего, хотел показать, что нет положительных и отрицательных героев, каждый из персонажей сочетает в себе качества и тех, и других. Данный прием применяется Мартином для придания произведению большей реалистичности.

Образы двух дочерей Сансы и Арьи противопоставлены друг другу. Санса старшая дочь, воспитанная и чувствительная юная леди (имя на английском *Sansa* созвучно со словом «sense»), Арья – сорванец, мечтающая о приключениях, рыцарских турнирах и сражениях. Эпитеты характеризующие Сансу: «*exquisite*», «*pretty*», «*delicate*», «*abashed*», «*too well bred*», «*precise*» и «*soft*» резко противопоставлены тем, что описывают Арию: «*glumly*», «*dull resentment*», «*rough*», «*stubborn*». Руки Арьи по словам септы, воспитывающей обеих дочерей, это руки кузнеца, в то время как голос Сансы она сравнивает с «мягким поцелуем». Данные персонажи противопоставляются друг другу и враждуют. Арья завидует Сансе, а Санса ревнует отца к Арье («*Sansa was two years older. Sansa could sew and dance and sing. She wrote poetry. She knew how to dress. She played the high harp and the bells. Worse, she was beautiful. The one thing Arya could do better than her sister was ride a horse*» [11, с. 51], «*Sansa kept hoping he would tell Arya to behave herself and act like the highborn lady she was supposed to be, but he never did, he only hugged her and thanked her for the flowers*» [11, с. 99]). Арья относится к сводному брату, как к родному, Санса называет его «наполовину братом». В романе несколько раз упоминается о том, что многие считали бастардом не только Джона, но и Арию.

Автор, противопоставляя данные персонажи, акцентирует внимание на их различных судьбах. Кроме того, Санса, как и Кейтилин, не считает себя частью этой семьи и постепенно отстраняется от нее. Думается, что автор использует такой прием для того, чтобы показать, что не все персонажи этой группы могут быть охарактеризованы символикой фамилия Старк.

Джон Сноу – один из главных персонажей романа. Фамилия Сноу полагается всем незаконнорожденным детям лордов севера Джон любит и уважает своего отца, но все свое детство и юность он ненавидит статус бастарда и пытается доказать себе, окружающим и своему отцу, что он достойный человек и может «высоко подняться» в обществе. Мартин создает персонаж Джона умным, честным и способным: «*Even at fourteen, Jon could see through her smile*». Хотя данный персонаж нестабилен и находится в поиске. Джон всегда напоминает себе о своем происхождении, что подтверждается регулярно повторяющимся словом «*bastard*»: «*A bastard had to learn to notice things, to read the truth that people hid behind their eyes*», «*He told himself he was fortunate in that too*» [11, с. 37], «*A bastard can have honor too*». Он считает, что «бастарды растут быстрее обычных детей», но задается вопросами о своем будущем: «*But what place could a bastard hope to earn?*» [11, с. 40]. Джон импульсивен и переменчив в настроении, когда речь идет о его происхождении. Главной особенностью изображения этого персонажа является то, что черты его характера описываются только через его внутреннюю речь, с помощью таких средств как эпитеты, например, «*angry*», «*furious*» и метафоры, например, «*He spat it out like venom*». Среди сводных братьев и сестер он наиболее близок с Арьей, к которой он всегда обращается «младшая сестренка» и с Браном. Робб находится в постоянном соперничестве с Джоном. Они обращаются друг к другу чаще по фамилии, но не отрицают своего родства.

Робб Старк не входит в число персонажей, от лица которых ведется повествование в первом романе, то есть этот персонаж изображается исключительно косвенно. Джон воспринимает его как законного сына лорда Эддарда и замечает его недостатки: «*Robb didn't even have the sense to realize how stupid she was; he was grinning like a fool*» [11, с. 37], Кейтилин сравнивает его с Эддардом: «*It was what Ned would have done. He is his father's son as much as mine, I must remember*» [11, с. 544]. В романе недостаточно цитат и внутренней речи, характеризующих данного персонажа. Можно

предположить, что данный прием используется автором намеренно, для того, чтобы в следующих частях цикла данный персонаж был раскрыт полнее.

Таким образом, отличительными особенностями изображения персонажей в романе Дж. Р.Р. Мартина «Игра престолов» являются косвенное изображение через НПР, детальное описание персонажей посредством стилистических средств и использование различных символов. После подробного анализа языковых портретов группы персонажей, стало возможной их классификация по нескольким признакам: соответствие общему портрету семьи Старков (например, Кейтилин и Санса не ассоциирующие себя с северянами), противопоставление двух героев (Арья и Санса); наличие косвенного описания характера персонажей (у всех персонажей кроме Джона и Робба).

Список литературы

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: «Наука», 1980. Том 5. 360 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 460 с.
3. Зубова Н.Ю. Граница как элемент картины мира на примере анализа художественной модели мира в романе цикла Дж.Р.Р. Мартина «Песнь льда и пламени»: сб. научных статей // Вестник ЧГУ, Челябинск. 2012. С. 48-52.
4. Мартин Дж. Игра престолов / пер. с англ. Ю.Соколова. М.: АСТ; Ермак, 2004. 784 с.
5. Осиянова О.М. Языковая личность XXI века: проблемы и перспективы / О.М. Осиянова // Вестн. ОГУ, Оренбург. 2002. № 6. С. 191-193.
6. Позняк Л.П. Особенности речевой характеристики главного персонажа в романе С. Шелдона «Ничто не вечно» // Вопросы теории текста, лингвостилистики и интертекстуальности: сб. научных статей / отв. ред. Л.П. Позняк. Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 71-83.
7. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
8. Шарапова Ю.В. Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Ю.В.Шарапова. СПб., 2001.

9. Casey Cipriani. 10 Things We Learned About 'Game of Thrones' Author George R.R. Martin at the Sante Fe Independent Film Fest (англ.). IndieWire (23 October 2013) / URL: <http://www.indiewire.com/article/game-of-thrones-author-george-rr-martin> (дата обращения: 02.12.2015).
10. Mikal Gilmore. George R.R. Martin: The Rolling Stone Interview. Rolling Stone (23 April 2014) / URL: <http://www.rollingstone.com/tv/news/george-r-r-martin-the-rolling-stone-interview-20140423?page=4> (дата обращения: 02.12.2015).
11. G.R.R. Martin. A Game of Thrones: fantasy novel: The Lotts Agency / first published in 1996. 553 p.